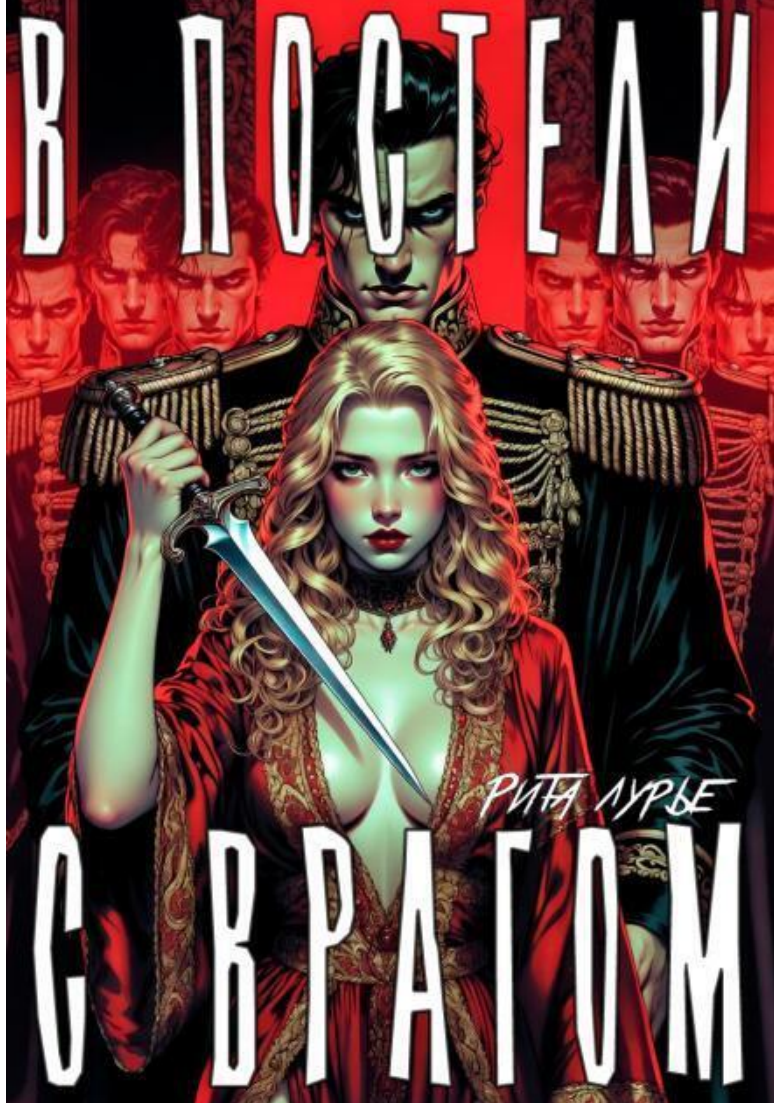

В ПОСТЕЛИ

РИТА ЛУРЬЕ

С ВРАГОМ

Рита Лурье

В постели с врагом

<https://litres.ru/74213294>

Аннотация

Чтобы свергнуть диктатора, мятежница поступает в его личный гарем, ведь это — единственный способ подобраться к самому охраняемому человеку в стране.

Отважная Миранда Гомес готова на всё ради свободы и справедливости, даже стать фавориткой своего врага. Но встреча с тираном Хьюго Руисом оказывается совсем не такой, как она ожидала, и чем ближе Миранда к цели, тем сильнее трещат по швам её убеждения.

Сможет ли Миранда победить в этой игре, когда в дело вмешиваются чувства, а на месте каждой отрубленной головы гидры тут же вырастает новая?

Миранда не имеет права на ошибку.

У неё всего одна жизнь.

!#Если вам понравилась эта история, рекомендую обратить внимание на другую мою книгу в похожем стиле "Смерть субъекта":

Содержание

0.	4
1.1.	11
1.2.	19
2.1.	25
2.2.	34
3.1.	46
3.2.	54
3.3.	63
4.1.	73
4.2.	79
4.3.	84
4.4.	89
5.1.	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

0.

Новые книги были полны секса и смерти — тем, вероятно, единственно достойных писателя.

Энтони Бёрджесс «Вожделеющее семя»

*Я помню не зря пятый день ноября
 И заговор пороховой...*

Мне не устраивают показательную казнь на главной площади города, боже упаси.

Если люди увидят мою смерть, они поймут, что я — а вместе со мной и всё, что я олицетворяю — существовала. Им это ни к чему. Система аккуратно подчищает места, где дала сбой. Я — ошибка в программе, глас недовольства и свободомыслия, и они не собираются превращать мои последние слова в завещание. Но им нужно знать, кто ещё встал со мной на этот путь.

Потому с момента, как всё случилось, — вернее, не случилось — я томлюсь в каких-то застенках, ожидая начала допроса. Часы мои сочтены, только остаётся невыясненным, каким будет конец.

Что же... Я хотя бы пыталась. Я горжусь тем, что дерзнула. У меня был один шанс, одна попытка — и не столь важно, была ли она удачной, зато я не утратилась того, что со-

биралась сделать.

Возможно, затея заведомо была обречена на провал, но я никогда не забуду, как стояла на техническом этаже среди мерно гудящих вентиляционных труб, а палец на спусковом крючке был скользким от пота. Я видела его: чёрный китель, ордена и погоны, сапоги, начищенные до блеска, самодовольную наглую рожу. Бог, снизошедший к простым смертным, чтобы одарить их благостью своего присутствия.

Ах, какая отрада для глаз: воочию лицезреть нашего бессменного Лидера!

Пуля просвистела в миллиметре от его затылка.

Какой-то миллиметр — и всё было бы кончено.

И я не сидела бы здесь — на холодном полу, в помещении без окон, вновь и вновь прокручивая в голове это мгновение. Остаётся только верить, что следующий или следующая окажется куда удачливее меня, что случай иначе решит их судьбу.

Я не встаю, когда воют ржавые петли двери, возвещая о том, что пришло время платить по счетам, даже не отрываю лба от колен. Меня вздёргивают за плечи и придают вертикальное положение. Всё-таки оторвав глаза от пола, я смотрю в матовый визор шлема солдата, гадая, как выглядит этот человек без него. Есть ли у него лицо? Улыбается ли он? Улыбается ли, приходя домой и целуя жену, накрывшую стол для супруга, уставшего от выполнения своих зверских обязанностей? Важных обязанностей. О чём они говорят за столом?

Представляю, что он скажет этим вечером:

«Привет, дорогая, сегодня мы вздёрнули ещё одну сопротивленческую крысу. Кстати, что у нас на ужин?»

Наверное, как-то так.

Однако пока никто не торопится меня «вздёргивать», меня волокут в другое мрачное помещение, и промедление тянет и без того напряжённые нервы. Догадываюсь, что будет дальше, — допрос и бессмысленное насилие, ведь я всё равно не сдам им своих товарищей. Пусть мучают меня, сколько угодно. Я — не последняя искра.

Хотя им удаётся меня удивить:

В допросной я вижу *его*.

Вот так честь!

Он стоит, заложив руки за спину, щеголяя армейской выправкой, столь идеальной, будто вместо костей и мышц в его теле стальной каркас. Чёрный китель с серебряной фурнитурой выглядит безупречно — ни одна пылинка не посмеет пристать к этой ткани, дабы не навлечь на себя его гнев. Но стоит ему повернуть ко мне профиль, я примечаю парочку седых прядей на висках и морщинки в уголках глаз, обличающие, что он всё-таки человек, как бы ни пытался заверить окружающих в своём богоподобии. Значит, и он стареет. Значит, и он когда-то умрёт.

Жаль, что я этого уже не застаю.

Он делает знак солдатам, чтобы оставили нас. Он меня не боится, а жаль. Он не расценивает меня как угрозу. Меня

убьют прежде, чем я успею закинуть цепь наручников ему на шею, но почему не попробовать?

Потому что это просто смешно.

— Ты можешь сэкономить нам обоим время и сразу всё рассказать, — говорит он низким вкрадчивым голосом. В этом голосе сквозит сила. Не знай я, кто предо мной, только по голосу поняла бы, что он — очень важный человек, обладающий властью и могуществом.

— И не подумаю, — отвечаю я, храбро вскинув голову.

— Чего и следовало ожидать... — будто задумчиво роняет он, — от такой, как ты.

— От такой, как я, — повторяю я нараспев.

— Кто тебе помогал?

— Кто мне помогал? — передразниваю я. — Никто не помогал. Я всё сделала сама.

Это, конечно, полная чушь, и нам обоим это прекрасно известно. Меня больше интригует, с чего вдруг сам Лидер снизошёл до презренной заговорщицы? Неужели у него нет других дел? Или он так измаялся в своём роскошном дворце, что лично допросить девицу, приговорённую к казни, — единственное доступное ему развлечение?

Как бы там ни было, я не намерена его развлекать.

— Винтовка, из которой ты стреляла, заводская, а не самопальная, — со знанием дела произносит он, — но ты закреплена за цехом автомехаников и не имеешь доступа к оружию. Получается, кто-то обеспечил тебя списанным эк-

земпларом. Кто? Мы всё равно выйдем на этого человека.

— Я украла её, — заверяю я. — Проникла на склад и...

— Неправильный ответ, — в голосе Лидера прорезаются стальные нотки, из чего я делаю вывод, что мне удалось вывести его из равновесия.

— Всё именно так и было, — говорю я.

— Сегодня ты умрёшь, — припечатывает он. — Но существует и другой вариант: ты назовёшь пару имён, и, быть может, я поспособствую тому, чтобы смягчить приговор.

— Смягчить приговор... — повторяю я. — Что это подразумевает? Пожизненный срок или работу в угольных шахтах? Здорово, конечно, но, спасибо, не стоит. Мне всё равно нечего рассказать. Я действовала одна...

Отчасти это всё-таки правда. Пабло помог мне раздобыть винтовку, сразу обозначив, что на этом его участие «в деле» заканчивается. В отличие от меня, он не планировал подставлять голову под удар. Возможно, в ином случае всё закончилось бы иначе. Пабло, как и все граждане нашего прекрасного Отечества, проходил военную подготовку и был обучен стрельбе. Я — нет. С винтовкой в комплекте шёл только один патрон. Потренируйся я заранее — не промазала бы.

Лидер приближается ко мне и встаёт подле, глядя сверху вниз. Его глаза чёрные и блестящие, словно камни на дне реки. Выражение взгляда трудно понять — не то снисхождение, не то отвращение.

С последним я, пожалуй, ошиблась — его пальцы ложатся на мою щёку, ведут от скулы до подбородка и стискивают его, вынуждая меня поднять голову.

— Твой сообщник тебя сдал, — говорит Лидер, внимательно разглядывая моё лицо, — он предупредил нас о покушении.

— Не может быть, — слабо возражаю я. — Почему же меня не арестовали раньше? Если бы я...

Мне не хватает смелости сказать это вслух, потому я произношу про себя:

«...если бы я не промазала?»

— Это слишком скучно, — многозначительно роняет лидер. — Мы хотели посмотреть, как поведут себя остальные. Пойдёт ли кто-то с тобой. Найдётся ли ещё один самоубийца, кроме тебя.

— В этом не сомневайтесь! — пылко бросаю я. — Я не одна! Придут другие, и однажды кто-нибудь доведёт дело до конца! Мы будем свободны!

— Бла-бла-бла, — со скучающим видом тянет Лидер. — Конечно-конечно. Есть что-то трогательное в твоей наивной вере, но у меня нет времени слушать пустые разглагольствования.

Я не успеваю придумать остроумный ответ, достойный девушки, попытавшейся изменить мир.

Он достаёт пистолет, прижимает дуло к моему подбородку и спускает курок.

Я умираю, но это — только начало.

1.1.

Всё начинается с того, что меня отрывают от работы в цеху, чтобы отвести к бригадиру. Это крупный мужик с красной физиономией и обильно потеющей плешивой головой. Потеет не только голова, но и вся его тучная туша. В его коморке воняет так, что накатывает тошнота. Я автоматически прикрываю рот и нос ладонью, плевав на любые приличия.

Мне не хочется попрощаться с утренним пайком.

На столе перед бригадиром лежит моё личное дело, а поверх него какая-то бумажка с вензелями и закорючками. Я пытаюсь рассмотреть, что там написано, но не умею читать вверх тормашками. Пресекая этот порыв, бригадир стискивает лист в неуклюжих коротких пальцах.

— Мои поздравления, — провозглашает он, — твою заявку одобрили.

— Не может быть, — рассеянно говорю я.

Он суёт бумажку в личное дело, складывает руки на столе и испытующе взирает на меня. Его взгляд такой навязчивый, что я, кажется, могу почувствовать его в местах, где он касается моей кожи. Бригадир обшаривает меня от макушки до пояса — нижняя часть тела, к счастью, скрыта столом. Сейчас он, не иначе, пытается на глаз определить размер моей груди и представить, как она выглядит под серым рабочим комбинезоном, плотная ткань которого оставляет обширный

простор для фантазии.

— Нда... — заключает бригадир, как следует меня изучив, — и почему только тебя выбрали, вроде как, ничего примечательного.

— Ну, спасибо, — бормочу я без тени благодарности, хоть и сама не знаю, почему.

— Наверное, глаза, — вслух размышляет он. — Всё дело в них.

— Да, наверное, — соглашаюсь я.

Мне прекрасно известно, что значит в моём личном деле: Миранда Гомес, двадцать один год, семьи нет, родных нет, профессия — механик, прикреплена к цеху сборки деталей на одном из бесчисленных огромных заводов, что производят машины. Машины для военной машины. В сухом остатке — я и сама винтик в гигантском, хорошо отлаженном механизме, слишком крошечный, чтобы оценить масштаб всего этого в перспективе.

Так что я понимаю недоумение бригадира из-за перспектив, с какой-то стати внезапно открывшихся незначительной мне.

Впрочем, перечисляя свои базовые характеристики, я не упомянула о главном: я — женщина. А всякая женщина в нашем Отечестве имеет право принять участие в лотерее, чтобы послужить общему делу не только духом, но и телом.

— Что же... — заключает бригадир и встаёт, протягивая мне липкую от пота ладошку, — удачи, товарищ Гомес. Мо-

жешь идти собирать вещи.

Превозмогая свою брезгливость, я пожимаю его руку.

— Спасибо, — говорю я.

И иду собирать вещи, которых, в сущности, толком и нет. Они всё равно не понадобятся мне там, куда я направляюсь.

Автомобиль, блестящий, как огромный лакричный леденец, доставляет меня во двор внушительного здания с белыми колоннами. Лестница устлана алым ковром, а возле дверей стоят две кадки с настоящими цветами. Я таращусь на всю эту роскошь, словно деревенская дурочка.

Слуга в костюме, поджидавший возле дверей, берёт мою лёгкую пустую сумку. Я следую за ним, продолжая озираться по сторонам: вокруг столько позолоты, что рябит в глазах. Комната, куда меня приводят, оказывается немного скромнее, но всё равно отличается от той, где я жила прежде, и выглядит, как спальня настоящей принцессы из сказки.

Размеры кровати под балдахином впечатляют воображение. На ней запросто могла бы разместиться вся наша бригада по сборке того непонятного дерьма, что мы собирали.

Ух!

— У вас полчаса, чтобы принять душ и привести себя в порядок, — инструктирует меня слуга. — После я приду за вами, чтобы отвести к остальным.

Остальные?

Я не совсем понимаю, как тут всё устроено, и недоумённо моргаю. Слуга не спешит пуститься в подробные объяснения. Должно быть, он всё расскажет потом.

Я послушно принимаю душ, восхищаясь красотой ванны со львиными лапами и обилием зеркал в золотых рамах, в которых моё бледное тело выглядит маленьким и ничтожным, словно дождевой червь. Я надеваю белую блузку, синюю юбку и туфли на низком каблуке, предназначенные для «особых случаев», таких как партийные праздники и дни рождения кого-то из верхушки. С наибольшим размахом всегда отмечался день рождения Лидера. В честь него нам давали выходной и двойной паёк.

Слуга достаивает мои «старания» кислой мины. Пожалуй, в своих неказистых вещах я сама похожа на горничную, или как там называются эти женщины, что работают в богатых домах.

— Вам нужно переодеться, — говорит он, — и распустить волосы.

— Переодеться? — уточняю я. — Но...

— Платье в шкафу, — подсказывает слуга, глядя на меня, как на умственно отсталую. Я тушуюсь, не догадавшись заглянуть в шкаф.

Он терпеливо ждёт, пока я переоденусь в голубое шёлковое нечто с глубоким декольте и вышивкой. Я ненадолго подвисяю, трогая бисерные завитки цветочного узора. Наверное, это самое красивое платье из всех, что я когда-либо

видела, но я думаю о тех руках, что создали этот шедевр. Без сомнения, это — ручная работа.

— Волосы, — ворчливо напоминает слуга.

Я разматываю пучок, и он удовлетворённо кивает.

Мы идём в просторную залу, где по кругу расставлены диваны, обтянутые синим бархатом. На диванах сидят девушки, примерно моего возраста, выряженные в платья, подобные моему, но других цветов. Я сажусь на пустое место рядом с девушкой в оранжевом. У неё карие, чуть раскосые глаза и чёрные волосы.

— Я — Люсия, — шёпотом говорит она. — Люсия Санчес, завод оптики.

— Миранда, — откликаюсь я. — Миранда Гомес, машинный завод. Что за оптику вы производили?

— Да кто нам скажет, — оранжевая Люсия улыбается. — Это не нашего ума дело.

— Верно, — соглашаюсь я. Я бы тоже не смогла ответить, попроси она рассказать о машинах.

Мне всё равно любопытно, и подмывает засыпать новую знакомую сотней вопросов. Что это за место? Чего от нас ждут? Почему она вообще на это решилась? Мне всё понятно с собой, но она...

Зачем она продалась в рабство?

В центр круга выходит темноволосая женщина в красном кимоно и внимательно осматривает собравшихся. Завидев её, девушки тут же смолкают.

— Добро пожаловать, милые дамы, — приветствует она.
— Моё имя — Химена Мартин, и я буду вашим куратором на отборочном этапе. Каждая из вас удостоена огромной чести оказаться здесь, однако не советую вам расслабляться раньше времени. Лишь пятеро из вас получают приглашение во Дворец. Пятеро лучших.

«Ну, приехали», — мрачно думаю я.

А я-то была уверена, что бумага с вензелями, вся покрытая жирными следами от пальцев бригадира, — уже гарант того, что я добьюсь своего. Оказывается, всё не так просто.

Объективно я оцениваю свои шансы пройти отборочный этап как крайне скудные.

Кроме острого языка и образа мыслей, отличного от большинства, я ничем не примечательна. А подобные качества едва ли ценятся во Дворце, скорее наоборот. Наложнице не пристало молоть языком — острый он или нет, и, глядя правде в глаза, вовсе не обязательно думать.

От неё требуется нечто другое.

— Ты, синеглазая, — палец Химены указывает на меня, — пойдёшь со мной первой.

— У меня есть имя, — бормочу я, поднимаясь с места.

— Да кого это волнует, — со злым смешком парирует Химена. Вблизи я ощущаю, как головокружительно от неё пахнет — цветами и чем-то сладким.

Она берёт меня за подбородок и вертит лицо из стороны в сторону. Я сжимаюсь под её взглядом — куда более при-

стальным, чем тот, которого удостоил меня бригадир, узнав о приглашении. Его интерес был праздным, интерес Химены — сугубо профессиональный.

Должно быть, через её руки прошло немало таких, как я. Она кивает, приказывая следовать за ней.

— Начнём с волос, — говорит она.

— А что с ними? — беспокоюсь я.

— Светлые лучше подойдут к твоим глазам, — отвечает она, — а пока расскажи, что ты умеешь.

— Ничего, — честно отвечаю я.

Она чуть сбавляет шаг и косится на меня через плечо.

— Тебе придётся научиться, — замечает Химена. Она вдруг делается задумчивой и склоняет голову к плечу. — Знаешь, что всегда отличало гетеру от обычной шлюхи?

— Не знаю, — сознаюсь я. — По правде... я без понятия, кто такие гетеры. Со шлюхами-то... мне в принципе всё ясно.

— Так называли наложниц в Древнем Риме, темнота, — поморщившись, говорит Химена. — Впрочем, откуда тебе это знать? Вот тебе первый урок, дорогуша: испокон веков существовали женщины, что служили мужчинам, но особенно ценились те, что не только доставляли удовольствие и радовали глаз, а имели ещё и другие дарования. Например, могли усладить слух игрой на музыкальном инструменте, поддержать беседу или исполнить танец. Лидеру по вкусу старина, так что и от своих женщин он требует чего-то по-

добного.

— Женщин... — тупо повторяю я. — И много их?

— В гареме на постоянной основе содержатся десять женщин, — говорит Химена. — Недавно одно место освободилось, так что из пяти подготовленных кандидаток, что мы предоставим ко Дворцу, Лидер выберет одну.

«Освободилось», — думаю я, поразившись тому, насколько буднично эта женщина говорит о смерти.

Без сомнения, Дворец можно покинуть только вперёд ногами.

Что случилось с этой несчастной?

Загадка полностью занимает мои мысли.

Вовсе не то, что мне предстоит пройти строжайший отбор, чтобы достичь своей цели.

1.2.

Место, где мы находимся, носит поэтичное название «Дом мотыльков», и всё в нём подчинено своим внутренним законам и правилам. Как и на заводе, мы живём по расписанию, впрочем, отличному от распорядка дня простых трудяг.

Нас поднимают с роскошных перин ранним утром, чтобы сопроводить в спортивный зал. Сначала разминка, потом упражнения на выносливость и бассейн. Всё это необходимо для того, чтобы сделать наши фигуры точёными, а тела гибкими и сильными. Мы почти что солдаты — солдаты фронта любовной войны, о чём здесь говорят без смущения.

После завтрака, как и все приёмы пищи, состоящий исключительно из полезных продуктов. Рацион сбалансирован и рассчитан персонально для каждой из нас. Лишняя сотня граммов — и ты не пройдёшь финальный отбор. За завтраком следуют уроки, общие для всех, — этикет, история и ораторское мастерство, а вот послеобеденное время отведено «факультативным» дисциплинам.

Люсия, с которой мы более-менее подружились, осваивает игру на фортепиано, а я выбрала себе восточные танцы. Не сказать что мне нравится соблазнительно крутить задом, но эти занятия предполагают исполнение номеров с веерами или саблей.

Конечно, саблю мне пока не дают.

В свободный час перед отбоем я выхожу в сад и практикуюсь со шваброй, сташенной из чулана. Её форма не совсем то, что нужно, но за неимением альтернативы годится.

Люсия выходит со мной — посмотреть и подышать свежим воздухом. В саду много настоящих цветов — и каждая из нас, не встречавшаяся с ними прежде, не может упустить возможности поглазеть на них, понюхать и потрогать.

Есть здесь и маленький фонтанчик с чистой синей водой. У него обычно толкаются другие девушки, но у нас с ними не сложилось приятельских отношений. Даже если отбросить в сторону то, что все мы — конкурентки, никто, кроме Люсии, не способен выносить мой специфический нрав. Вести себя тише я стараюсь лишь на уроках, и уж точно не собираюсь притворяться, когда в том нет нужды.

Древко швабры врезается в розовый куст, и Люсия стонет, изображая жалобный вздох невинно пострадавших цветов.

— Тебе стоит быть аккуратнее, — говорит она и принимается собирать осыпавшиеся лепестки в ладошку. — А то так нечаянно и Лидера зашибёшь...

Я проглатываю неуместный комментарий о том, что ничего не имею против. Глядя правде в глаза, именно это и является моей целью — прикончить ублюдка. Но как бы мне ни было приятно общество Люсии, я не могу ей доверять.

Я никому не могу доверять.

— Химена сказала, что некоторые мужчины любят, когда их быют, — заявляю я.

Химена ведёт у нас особенный курс, касающийся всего, что связано с сексом.

Большинство девушек на нём умирает со стыда, заливаясь краской и силится сползти под парту, но меня трудно смутить. Я слушаю с любопытством. Раньше нам говорили, что секса вообще не существует. Никто из нас не знает своих родителей, но откуда-то же мы появились? Значит, какие-то граждане всё-таки совершили возвратно-поступательные движения, чтобы сделать новых граждан нашего Отечества.

Быть может, если есть завод по производству машин, то существует и завод по производству людей, где вместо масла текут реки спермы и так воняет потом, что не продохнуть?

Не уверена, что хотела бы получить подтверждение этой теории.

— Ну... вряд ли Лидер такой, — после долгой паузы говорит Люсия. — Из *тех* мужчин.

— Почему нет? — откликаюсь я. — Допустим, он весь такой тёмный властелин, но и сам не прочь, чтобы над ним...

Я умолкаю, пытаюсь припомнить слово, использованное Химена во время лекции.

— Доминировали, — подсказывает Люсия. — Нет. Наверное, нет.

— А зачем тогда нам об этом рассказывать? — резонно замечаю я, вновь заноса швабру над головой.

Древко со свистом режет воздух, а из моего пучка выби-

ваются белые пряди. Волосы до сих пор пахнут странно и стали жёсткими на ощупь. Химена утешила меня тем, что это пройдёт, нужно только втирать в них специальные масла и смеси.

А ещё она добавила с плотоядной улыбкой, что мне надо хорошо постараться, ибо никому не захочется накручивать на кулак какую-то паклю.

Миленько.

— Просто так, — пытается увильнуть Люсия, и её щеки заливают очаровательный румянец. Она спешит перевести тему: — Как ты думаешь, какой он?

— Кто? — уточняю я, хотя прекрасно знаю ответ.

Мои упражнения с палкой привлекают внимание девиц, что отдыхают у фонтана, хотя не стоит исключать, что они просто подслушивали наш разговор и заинтересовались. Я подмечаю, что их болтовня стихла, а взгляды прикованы к швабре в моих руках.

— Лидер, — понизив голос, говорит Люсия.

— Понятия не имею, — откликаюсь я, но всё-таки спрашиваю: — А ты?

— Ну... красивый точно, — смущённо говорит она. — Он как-то приезжал к нам на завод, я видела его издалека... И молодой. Но что он за человек?

— Почему ты подала заявление? — вырывается у меня. Мне не нравится предположение, зародившееся от её слов.

Уж не влюбилась ли она в этого подонка с первого взгля-

да?

Люсия закусывает губу.

— Моя сестра поступила сюда, — с запинкой отвечает она. — Назад она не вернулась, так что, скорее всего, прошла дальше. Я хочу её увидеть.

— У тебя есть сестра? — изумляюсь я, проигнорировав остальное, не менее впечатляющее. — И родители?

— Родителей нет, но мы всегда были вдвоём, — говорит Люсия, — пока она не захотела попасть в гарем.

— А что станет с теми, кто не пройдёт конкурс? — принимаюсь я размышлять вслух.

На моей памяти никто не возвращался обратно на завод, по крайней мере, я никогда не слышала от кого-либо упоминаний о «Доме мотыльков». Наша жизнь была скучной и однообразной, несомненно, девушка, побывавшая здесь, стала бы настоящей сенсацией со своими историями о неудачной попытке пройти отбор. Коллеги замучили бы её просьбами пересказывать всё это снова и снова.

— Люсия, — зову я.

— Я не знаю, Миранда, — откликается она и быстро уходит.

Следом постепенно рассасывается и кучка девушек возле фонтана. Я прячу швабру обратно в кусты и иду к дому, чтобы не опоздать в комнату до отбоя.

По неизвестной причине разговор оставляет неприятное послевкусие. Вся эта красота вокруг — и цветы, и роскош-

ные интерьеры дома, внушает не радость, а скорее неясное беспокойство.

Мне кажется, что обратной дороги нет. Возможно, девушки, не прошедшие отборочный этап, покоятся где-то здесь — под кустами в саду.

А значит, я обязана выиграть конкурс любой ценой.

Я доберусь до него.

Я уничтожу чудовище, что выстроило этот фальшивый мирок.

2.1.

Будильником нам служит благозвучная мелодия: словно кто-то перебирает струны арфы.

И знаете, что самое удивительное?

Я никогда в своей грёбаной жизни в глаза не видела арфу, но откуда-то знаю, что она звучит именно так. Это касается не только архаичного музыкального инструмента, но и массы других вещей, что кажутся очевидными на первый взгляд, но при детальном рассмотрении наводят на подозрения. Я знаю много того, чего просто не могу знать, также и с остальными. У Люсии была сестра Альба – это неоспоримая истина, которая не вызывает сомнений у моей новой подруги, но она не способна объяснить, почему считала ту девушку с той же фамилией своей сестрой, если у них не было ни семьи, ни общих детских воспоминаний.

Конечно, ведь в нашем Отечестве нет детей.

(Но я имею представление о том, что мы не рождаемся на свет двадцатилетними тружениками на заводе.

Опять же с чего я это взяла, если мне никто такого не говорил?).

Из-за всех этих странностей я вношу кое-какие корректировки в свой блестящий план: прежде чем я убью Лидера, я выпытаю у него, как всё это устроено, ибо, судя по всему, больше никто не способен распутать клубок лжи, окутываю-

щий нас со всех сторон. Другим девушкам ничего не известно. Химене ничего не известно. Слуги... и вовсе отказываются со мной разговаривать.

Я просыпаюсь до сигнала к пробудке и спешу в сад, чтобы перехватить работающих там людей. Даже не для того, чтобы попытать их вопросами, на которые у них вряд ли есть ответ, а чтобы понаблюдать. Я думаю, что это лучшая в мире профессия – возиться с цветами, что топят «Дом мотыльков» в чудесном благоухании. В городе не было ни цветов, ни деревьев, ни каких-либо растений вообще. Только асфальт и серые коробки зданий различного назначения – заводов, складов и общежитий при них.

Короче, мне всё это в диковинку.

Но люди, что ухаживают за садом, сразу уходят, заведя меня. Я предполагаю, что им строго-настрого запрещено общаться с кем-то из нас. Возможно, им уже успели сообщить, что среди кандидаток завелась какая-то полоумная, что пристаёт ко всем с расспросами.

Сегодня меня поджидает Химена, она и в такой ранний час «во всеоружии». На ней золотое кимоно с изумрудным поясом, чёрные волосы собраны в высокую причёску, на губах алая помада. Её духи перебивают ароматы цветов. Наверное, она похожа на хозяйку элитного борделя, знай я, что такое – элитный бордель.

О, подождите-ка!

Что ещё «Дом мотыльков» – если не он?

– А ты ранняя пташка, синеглазая, – приветствует меня Химена.

– У меня есть имя, – напоминаю я, хотя это – пустая трата времени. Химена ясно дала понять, что не собирается запоминать наши глупые имена. Для неё мы все носим клички, что она нам дала. Я – синеглазая (спасибо, что не паклеволосая), Люсия – коротышка, Карла – рыжая, Изабелла – грудастая, и далее по списку. Двадцать девушек, всех не упомянешь. Сблизиться мне удалось только с Люсией.

Остальные предпочитают держаться от меня на расстоянии.

И правильно делают.

– Пришла помахать палкой? – деловито спрашивает Химена.

– Нет, – честно говорю я, – хотела посмотреть, как эти люди работают в саду...

– Или спросить их о чём-то? – её взгляд становится хитрым. Химена – та ещё лисица, ну, как я их себе представляю. Очевидно, мне не доводилось бывать в зоопарке или в лесу. Говорят, где-то за пределами города простираются территории дикой природы, но кто же нас туда пустит?

– О чём? – опасливо уточняю я.

– Ну... не закопаны ли здесь предыдущие кандидатки, – огорошивает она. Я открываю рот и, должно быть, выгляжу крайне глупо. Химена явно надо мной потешается. Она говорит: – Расслабься. Ты – не первая, кто об этом задумывал-

ся. Возможно, я тебя разочарую, но нет. Человеческое тело – скверное удобрение для цветов, а им нужен особый уход.

– М-м-м, ясно, – бормочу я. Я перекатываюсь с пятки на носок, собираясь с храбростью. – Тогда куда они деваются? Кто не попадает в гарем.

– А зачем тебе это знать? – любопытствует она. Вроде как, её тон отстранённый и вежливый, но даёт мне понять, что лучше свернуть своё расследование, пока она – или кто-нибудь вышестоящий – не вышел из себя.

– Ну... вдруг я не пройду, – отвечаю я.

– Знаешь, что, дорогуша?

Химена делает шаг ко мне и опять лапает мой подбородок – я уже заметила за ней эту привычку, будто ей какое-то особое удовольствие доставляет обращаться с девушками, как с её питомцами. Пальцы у неё холодные и жесткие, такими могли быть руки убийцы. Кожа гладкая и ухоженная – не исключая, что она купается в крови неугодных кандидатов, чтобы сохранять свою красоту и свежесть.

Я сама поражаюсь этой фантазии.

– Ты бы лучше побеспокоилась о том, чтобы пройти, – елеинным голоском советует Химена, – а не валяла дурака. Сегодня вечером тебе как раз представится первый шанс себя проявить.

– Что? – роняю я.

– Мы ожидаем высокопоставленных гостей, – поясняет она, – так что, *Миранда*, будь умницей.

Она выпускает меня из хватки и идёт к зданию. Я топаю за ней.

– Гости? – взволнованно повторяю я. – В смысле... Лидер?

В этот момент я уже во всех красках представляю, как проломлю его череп древком от швабры. Или нет? Вгоню это древко ему в глазницу? В глотку? В задницу? Меня охватывает приятное предвкушение расправы. Быть может, не придётся дальше просиживать штаны на лекциях по этикету и тренироваться, чтобы пробраться во Дворец, и всё закончится здесь?

– Разбежалась, – смеётся Химена. Она сбавляет шаг, чтобы взглянуть мне в лицо. – Вот тебе и ответ, дорогуша. Они присматривают себе девушек, которые не пригодятся во Дворце. Твои шансы попасть туда – скудные, так что... советую сегодня выложиться на все сто.

«Да пошла ты», – злобно думаю я.

– Что значит «выложиться на все сто»? – спрашиваю я.

– Тебе пора на тренировку, – отрезает она, тем самым непрозрачно намекая, что тема закрыта.

Впрочем, я тут же вижу здесь некоторую перспективу: высокопоставленным гостям должно быть известно куда больше, чем Химене или мне. Кое-какие уроки, полученные в «Доме мотыльков» мне пригодятся.

Например, прикидываться глупой красивой куклой.

К вечеру «Дом мотыльков» стоит на ушах, а среди девушек царит заметное оживление. Среди них только и разговоров, что о гостях, а ещё – о показательном выступлении. Кое-кого до него допустили, меня нет, потому что, как выразилась Химена, «мой номер слишком сырой, чтобы его кому-то показывать».

Люсия вытянула этот счастливый билет. Весь день она репетирует и приходит ко мне только вечером.

Она показывает мне свой концертный костюм – длинное иссиня-чёрное платье, расшитое стразами и блестящее так ярко, что на него больно смотреть, и требует продемонстрировать, что приготовили для меня. Я даже не заглядывала в коробку, принесённую молчаливым слугой, и Люсия страшно этим недовольна.

По правде говоря, пока все носились по дому, охваченные праздничной суетой, я ломала голову, как бы разжиться оружием или чем-то, пригодным в качестве него. Ещё в самом начале пребывания здесь я пыталась умыкнуть столовый нож и едва за это не поплатилась. Взгляд Химены красноречиво говорил, что в следующий раз этот нож будет торчать из моего уха. Они пересчитывают все приборы, что нам выдают для еды, и мгновенно заметили, что один из них переключал ко мне в рукав.

– До приёма осталась пара часов! – провозглашает Люсия,

развязывая ленту на коробке. – А ты совсем не готова! Чем же ты занималась?

Ничем.

Будучи по такому случаю освобождённой от уроков, я лежала на кровати, смотрела в потолок и думала, где мне раздобыть хоть какой-то острый предмет.

Я не могу ей этого сказать.

– Спала, – говорю я.

Люсия вынимает из коробки нечто белое и длинное – нечто, что мне придётся на себя надеть, и осматривает со всех сторон. Следом за тряпкой возникает и венок из живых цветов. Люсия присвистывает.

– Примерь, – просит она и складывает руки в молитвенном жесте.

Я со стоном выковыриваю свою тушку из засасывающей мягкости постели, простившись с надеждой переждать бурю здесь. Если среди гостей не будет Лидера – что я там забыла? Я не собираюсь стелиться перед другими ублюдками.

«Информацию», – напоминаю я себе.

Мы обе облачаемся в свои платья, и я отмечаю, что у них есть кое-что общее: одежда роскошная, но закрытая. Ни одного лишнего сантиметра кожи, выставленного напоказ. Красиво и целомудренно. Пусть гости пялятся на вышивку, стразы и кружева, а не наши сиськи и задницы. Они предназначены Лидеру, коли нам выпадет такая честь.

Люсия расчёсывает мои волосы, благодаря всем этим кос-

метическим средствам, что мне всучила Химена, ставшие в разы мягче.

Мне всё равно кажется, что в этом белом балахоне и вёночке я выгляжу по-дурацки.

Люсии её платье и драгоценности идут больше.

– Ты расстроилась, что тебе не дадут сегодня выступить? – простодушно спрашивает она, по-своему трактуя мою кислую мину.

– Ага, – мычу я.

Я впервые задумываюсь, почему Люсия так ко мне добра. Не потому ли, что она не видит во мне конкурентку? Я ленивая, неуклюжая и неусидчивая, и уж точно не потяну на достойную соперницу на «смотре товара».

Я злюсь на себя: мне стоит лучше стараться. Апатия не поможет мне добиться своей цели. Эта мысль подстёгивает меня нацепить на лицо улыбку.

Не улыбку, а хотя бы её подобие.

– Знаешь, – Люсия склоняется к моему уху, отводя волосы в сторону. – Девушки шептались, что среди гостей инкогнито будет присутствовать Лидер.

– Да ты что! – восклицаю я, и моё удивление вполне искреннее. – Подожди-ка. Как это, «инкогнито»? Ему ведро, что ли, на голову наденут, чтобы никто не узнал его рожу? У нас в каждом помещении на заводе висел его портрет! Разве только в сортирах их не было... О... – я шлёпаю себя по губам.

Люсия хихикает.

– Не ведро, – говорит она, – а маску. Все они будут в масках. Нам нельзя их видеть.

– А... – мой энтузиазм сходит на нет. – Понятненько.

– А им нельзя нас трогать, – с загадочным видом добавляет она. – Такие правила.

– Ой, какое горе, – бурчу я, – я-то думала, наконец нас кто-то полапает.

– Ты чудная, – изрекает Люсия с тёплой улыбкой.

Да, она точно не видит во мне угрозу. Мой язык приведёт меня куда угодно, но не в гарем. Я напоминаю себе, что сегодня собиралась держать его за зубами, насколько это, конечно, в моих силах.

Вскоре к нам приходят слуги и служанки, чтобы помочь завершить приготовления к приёму.

Пока они порхают вокруг, пытаюсь придать мне хоть сколько-то презентабельный вид, я тренируюсь помалкивать, когда так и тянет сказать какую-то гадость.

2.2.

«Миранда, молчи!» – умоляю я себя.

Нас выставляют в шеренгу перед гостями. Я таращусь на них, и меня пробивает на смех. Уж не знаю, кто выглядит страннее – мы или всё-таки они. На них камзолы, рубашки в рюшах, шляпы с перьями и маски. Каждая маска изображает какое-то животное, только я в них не особенно разбираюсь. Мне удаётся опознать волка, медведя, лису и енота, но остальные мне неведомы.

На нас нет масок, но тут тоже есть о чём поразмыслить, ибо, без сомнения, образы девушек наделены каким-то смыслом. Рыжая Карла щеголяет в зелёном с полупрозрачными крылышками за спиной, у той длинноносой, имя которой я позабыла, нечто, похожее на восточный наряд и выбеленная физиономия. Люсия вся в стразах, как в каплях воды, а я... что значит мой белый балахон?

Остаётся только гадать.

Я пытаюсь представить нас всех – и гостей в их масках, и девушек в вычурных шмотках, у станка на заводе, и это меня веселит.

Так много красок, разнообразия цветов и фактур, когда прежде меня окружали лишь оттенки серого!

Никакой позолоты, свечей в канделябрах и, боже упаси, живых цветов.

Нас проводят в залу, где мы рассаживаемся в разных углах – отдельно девушки, отдельно гости.

Во время «концерта» я стараюсь в открытую не зевать, и больше смотрю на гостей, нежели на кандидатов, из кожи вон лезущих, чтобы произвести впечатление. Показательное выступление состоит из заунывных песен, декларации стихов каких-то давно умерших поэтов, танцев и демонстрации исполнительского искусства. Люсия играет на огромном чёрном рояле, носатая на тонкой флейте, похожей на полированное дуло ружья, ещё одна девица на скрипке, другая – на большой скрипке, название которой я предпочла не запоминать за ненужностью.

Гости вяло хлопают, вкушают изысканные яства и пьют что-то из золотых кубков. Я подметила, что каждый раз, прежде чем поднести еду или питье к отверстию в маске, их дают на пробу специальному человеку, тенью топчущемуся за спинками кресел.

Неужели они боятся, что кто-то из нас попытается их отравить?

Вероятно, боятся.

Но это смешно, учитывая, что нас тут не посвящают во всякие опасные темы. А жаль, познания о ядах в гареме мне быгодились!

Всё это в сущности – глупый спектакль.

Я хочу уйти, но всё же разглядываю гостей, вычисляя Лидера, если он есть среди них. Из-за одежды и масок они

все на одно лицо – примерно одного роста, одной комплекции, словно братья-близнецы. Не исключаю, что их подбирают специально, чтобы создать путаницу. Надо думать, самый влиятельный человек в Государстве в довесок к своему могуществу обзавёлся ещё и нехилой паранойей.

Он точно обитает во Дворце, а не в бункере глубоко под землёй?

Сколько раз на него совершались покушения?

От этой мысли меня будто бьёт током.

Он сказал:

«Сегодня ты умрёшь. Но существует и другой вариант: ты назовёшь пару имён, и, быть может, я поспособствую тому, чтобы смягчить твой приговор».

Я верчусь в поисках того, кому принадлежит этот голос, пока до меня не доходит, что он прозвучал в моей голове. Ладонь, комкающая ткань платья на коленях, становится влажными от пота. Дыхание сбивается комком в груди. Паника охватывает меня молниеносно.

Я вскакиваю из-за стола, воспользовавшись тем, что концерт закончен, и все начинают разбредаться по «Дому мотыльков», и бегу в сад. Мне жизненно необходим свежий воздух. Мраморный пол ускользает у меня из-под ног, а золотые безделушки вокруг прыгают перед глазами.

Что это за чертовщина?

Я вцепляюсь в перилла террасы и, слепо шурясь в темноту, густо насыщенную ароматами цветов, делаю череду

коротких рваных вдохов. Мои воспоминания напоминают пыльный чулан, и я неистово перетряхиваю его, но так и не нахожу недостающего фрагмента паззла.

Никто мне такого не говорил.

Никогда.

В этом нет и крупицы смысла.

Что это? Прозрение? Видение будущего? Или на нервной почве у меня так разыгралась фантазия, что я придумала эти слова и этот голос?

Я прохаживаюсь из стороны в сторону, оглаживая плечи руками, пока не врезаюсь в камзол кого-то из гостей. В полумраке он кажется чёрным. Слишком темно, чтобы разглядеть глаза в прорезях маски волка. Волк? Я могу заблуждаться, глядя в оскаленную пасть, выполненную из какого-то пластичного материала. Спасибо, незнакомец, что выбрал себе эту страсть, а не какого-нибудь милого кролика!

Мне и без того не по себе.

Из моего рта вываливается самая нелепая глупость из всех, что могли прийти мне на ум:

– Это волк? – спрашиваю я, и чтобы сделать своё положение ещё более неловким, тычу пальцем в нос звериной морде. Незнакомец молчит, видимо, сражённый наповал такой неслыханной наглостью.

Все уроки изящных манер прошли мимо меня. И ладно ещё я, но Химену точно не погладят по головке за то, что её подопечная так и не освоилась с тем, как надлежит себя

вести в обществе высокопоставленного господина.

– Э... – бормочу я, – извините. Я никогда не видела волков, просто стало интересно.

Я быю себя по лбу и случайно сшибаю цветочный венок. Проследив взглядом его полёт вниз, я думаю, что это полный провал.

Но я ошибаюсь.

Нагнувшись, чтобы поднять его, а делаем мы это одновременно с гостем, я умудряюсь вмазаться макушкой ему в челюсть. К счастью, маска смягчает удар. Что хуже всего – столкновение наших рук на злосчастном венке. Я отпрыгиваю, позабыв, зачем вообще всё это затеяла.

Гость протягивает мне венок, словно оливковую ветвь мира.

Я слышу смех, доносящийся из-за маски.

Только мне уже совсем не смешно.

Я готова броситься бежать в темноту и искать укрытия среди розовых кустов.

Рука гостя всё ещё висит в пространстве между нами. Я таращусь на длинные пальцы, аккуратно сжимающие хрупкие белые цветы. На его месте я бы не церемонилась, а надавала мне этим веником по физиономии.

– Волк, – после паузы изрекает гость, – но я тоже их никогда не видел. Только на картинках.

– Это где? – вырывается у меня.

Глас рассудка велит мне заткнуться, но сказанного не во-

ротить назад.

– В книгах, – отвечает незнакомец, – а ещё в фильмах.

Последнее слово мне незнакомо, но первое выбивает из меня новую порцию неуместного бреда:

– В книгах?! – восклицаю я. – Вам можно читать книги? Ай, ну, конечно, важным людям можно читать книги, что за глупость я сказала, – спорю я сама с собой, а осознав, что говорить этого не стоило, рычу сквозь стиснутые зубы. Я стою, покачиваясь туда-сюда, ожидая, когда гость поставит меня на место. Он этого не делает. И это придаёт мне храбрости.

Оглядевшись, чтобы убедиться в отсутствии посторонних, я спрашиваю:

– А какие у вас есть книги? Про что там написано?

– С чего такой интерес? – потешаясь, любопытствует он.
– В гости, что ли, набиваешься?

Я застываю. Кажется, это – намёк, что мне пора прекратить вести себя нагло, впрочем, довольно мягкий. Значит, можно продолжать.

– Нет, – говорю я, – но я хотела бы получить объяснение некоторым странным вещам.

– Каким, например?

– Таким, – я киваю на его маску, – если я никогда не видела волков даже в книжках, откуда знаю, как они выглядят?

Волчий оскал кренится на бок вместе с головой гостя. Он шурит глаза в прорезях маски, но мне не разобрать их цвет. Я вижу лишь, как они блестят, отражая свет, падающий от

дома.

– Это действительно интересно, – подумав, соглашается он. – И часто ты размышляешь о чём-то подобном?

– Бывает, – уклончиво отвечаю я, не зная, зачем рою себе могилу. – Мне постоянно кажется, что я что-то упускаю, что-то очень важное. Наверное... – опомнившись, говорю я, – мне нельзя с вами об этом разговаривать. Точно нельзя. У меня будут проблемы.

– Это останется между нами, – заверяет меня гость в маске волка.

– Вы что-то потребуете взамен? – настораживаюсь я и чешу подбородок, прикидывая, что он попросит. Догадка мне нисколько не нравится. – О, нет! Вам запрещено нас трогать. Вы...

– Нет, – не позволяет закончить он.

Я выдыхаю, но не сказать, что с облегчением. Уж кому точно не стоит доверять, так это человеку, который скрывает своё лицо. Возможно, в данный момент я разговариваю именно с Лидером, и сейчас он выслушает мои опасные глупости, а потом отдаст приказ, чтобы меня пустили в расход. Очевидно, я не гожусь для гарема. Кому там сдалась девица, в чьей голове роятся полчища безумных идей?

Мне конец.

Не стоит исключать такую вероятность.

– Ответите на один мой вопрос? – с невинным видом интересуюсь я.

– Насколько это в моих силах, – с лёгким смешком откли-
кается неизвестный гость.

– Нам ничего не рассказывают о том, как живёт верхушка,
– издали начинаю я, – и... есть ли там у вас дети?

– Дети? – озадаченно повторяет он.

– Ну... такие маленькие сопливые люди, которые потом...
– уточняю я, путаясь в словах. Понятия не имею, что я пы-
таюсь сказать. – Мы же все были детьми, верно? Просто там,
откуда я, их нет. Мне интересно, где они находятся. До того,
как вырастают и их распределяют по заводам. Я ничего не
помню о своём детстве. Что происходит с нашей памятью?

Мой бессвязный лепет обрывается испуганным вскриком,
когда гость в волчьей маске делает шаг ко мне. Я сразу пред-
полагаю самое худшее – сейчас он просто достанет из-под
камзола пистолет и вышибет мне мозги. Нет. Он склоняется
ко мне близко-близко и шепчет:

– Никогда больше никого об этом не спрашивай.

– Оу... – бормочу я. – Хорошо.

Он вкладывает мне в руки венок, и я поражаюсь, почему
он вдруг стал таким тяжёлым и холодным.

– Выживи, – однозначно роняет гость и уходит.

Я медленно отвожу цветы в сторону и вижу стилет, что
был спрятан под ними. В голове проясняется, и в кои-то веки
мне удаётся не вести себя, как существо, напрочь обделён-
ное интеллектом. Я прячу стилет в рукав платья и водружаю
веночек обратно как ни в чём не бывало.

Очень вовремя: в дверях возникает Химена.

– Где тебя носит? – сердито вопрошает она. – Глупая девчонка!

Она вцепляется в моё предплечье, к счастью не в то, где теперь скрыто оружие.

– Пойдём, – торопит она, увлекая меня за собой, – пора приступить к главной забаве вечера!

И мне совершенно не нравится, как звучит её голос.

Словом, «главная забава» не предвещает ничего хорошего.

Нас рассаживают по автомобилям, и мне не везёт оказаться в разных машинах с Люсией. Рядом со мной одна из тех девиц, что смотрит на меня, как на презренное насекомое. Она отползает подальше на сидении, словно ей неприятно даже соприкасаться со мной рукавом платья. А меня так и подмывает сказать ей, что её игра на той огромной скрипке была безобразной, и я лучше проколю себе барабанные перепонки, чем ещё хоть раз услышу этот жалобный скрип.

На месте нам удаётся воссоединиться с Люсией, и видок у неё смятённый и перепуганный.

– Что происходит? – спрашивает она одними губами.

Я мотаю головой.

Хотела бы я знать!

Перед нами густая зелёная изгородь, которую я до того

видела лишь из окна и ошибочно принимала за лес, ну, как я себе его воображала. Теперь я понимаю, что это – что-то другое. Что-то, что не внушает и капли доверия. Факелы, расставленные всюду лишь нагнетают обстановку.

Гости выстраиваются у автомобилей. На них плащи с капюшонами, из-за чего их скрытые в тени звериные физиономии выглядят угрожающе. Такое чувство, что нас собираются принести в жертву. В жертву чему-то, что живёт в лабиринте.

Это слово выплывает из закоулков моей памяти.

Лабиринт.

Химена подытоживает:

– Дамы и господа, – начинает она, прохаживаясь между нами и гостями, – пришло время первого испытания.

«Испытание, – повторяю я про себя, – разве им не были лицемерный ужин и дурацкий концерт?»

– Девушка, что быстрее остальных найдёт выход из лабиринта, войдёт в пятёрку лучших, – продолжает Химена, – и докажет свою готовность послужить Отечеству верой и правдой. Последняя – покинет «Дом мотыльков».

Я чувствую, как горячая ладошка Люсии стискивает мою кисть. Её слегка знобит. На бежняжке нет лица от страха. К такому жизнь её не готовила. Никого из нас не готовила.

Впрочем, чего накручивать себя раньше времени? Мы просто поблуждаем там среди кустов, пока не найдём выход. Я не собираюсь позволить этой зловеще-торжественной

остановке нагнать на себя страху.

Всё это – игра.

Но зачем тогда тот гость дал мне стилет?

Химена обходит девушек по кругу. Мне хочется подставить ей подножку, чтобы сбить с неё спесь. Вид у неё царственный и высокомерный. Сейчас она до жути меня бесит, бесят её красивые волосы и лицо, шорох её шёлкового платья и стук каблуков по дорожке.

– Будьте осторожны, мои дорогие, – напутствует она. – Время пошло!

Слуга стреляет в воздух.

Никто не двигается с места – мы впадаем в недолгий ступор. Девушки рассеянно переглядываются и перешёптываются между собой. До нас доносится звук, сначала приглушённый эхом выстрела, но постепенно нарастающий.

Метроном, отсчитывающий минуты.

– Вперёд, – кричит Химена.

Мы бежим. Рыжая девица с крыльями первая исчезает за зелёной стеной, остальные толпятся у узкого прохода, стремясь нагнать её. Мы с Люсией оказываемся в конце процессии. Бежать, взявшись за руки, неудобно, и я выпускаю её кисть. Приходится придерживать длинную юбку и следить, чтобы не выронить стилет из рукава.

Я догадываюсь, что скоро он мне пригодится.

Коридор раздваивается, рассекая толпу девушек на две половины. За следующим поворотом ещё одна развилка. Мы

с Люсией, не сговариваясь, берём налево, но застываем, услышав крик.

– Что это было? – взволнованно роняет она.

Она пытается меня остановить, но я иду на звук. Пожалуй, лучше мне было этого не делать: я вижу девушку, сделавшую неправильный выбор, и узнаю, какая судьба постигла бы нас, рвани мы направо. За поворотом земля обрывается ямой настолько глубокой, что дно её тонет во тьме. Где-то там внизу костром горит алое платье несчастной.

«Нет, – возражаю я себе, – её платье было светлым».

Оно стало красным от крови в местах, где тело пронзили стальные штыри, притаившиеся во мраке.

– Боже... – шепчет Люсия. Я едва успеваю ухватить её за плечи, уберегая от падения вниз, и отволакиваю в сторону. Сбросив мои руки, она падает на колени. Её тошнит. Не сказать, что и меня зрелище оставило равнодушной, но мне как-то удаётся совладать с собой.

Я слышу ещё один жалобный вопль из недр лабиринта.

Напутствие гостя, что снабдил меня средством самообороны, обретает смысл:

Выживи.

3.1.

Я убеждена, что мы все сегодня умрём.

Впрочем, по мере продвижения сквозь закоулки и коридоры лабиринта эта уверенность тает. Кажется, у нас есть неплохой шанс спастись. Недаром мы вставали с рассветом и истязали себя физическими упражнениями в зале.

Всё это нам пригодилось.

Да, мы с Люсией дважды чуть не разделили участь той несчастной, упавшей в яму с кольями, ещё бессчётное количество раз едва не напоролись на другие ловушки, поджидающие за каждым углом, но я вижу выход. Люсия тоже его видит. В каком-то глупом самоотверженном порыве я подталкиваю её вперед, а альтруизм, как известно, никогда не доводит до добра.

Первой из лабиринта выскакивает рыжая Карла, где-то посеявшая свои крылья. За ней ещё несколько девушек. Запускает процессию Люсия, а мне не удаётся сигануть следом: кто-то хватает меня за плечо и отшвыривает назад.

Я раздражённо рычу и вскакиваю на ноги, но мне не позволяют продолжить нашу гонку.

Это та девица, с которой мы вместе ехали в машине, и мне неизвестно, почему она точит на меня зуб. Почему личная неприязнь оказалась для неё важнее выживания. Я-то оши-

бочно полагала, что у меня одной здесь бардак в голове. Как выясняется, нет.

Она выглядит, будто лишилась рассудка: глаза лихорадочно блестят, волосы всклокочены, платье превратилось в лохмотья. Она лупит меня по лицу и тащит куда-то в сторону. Другие девушки, стремящиеся побыстрее покинуть ловушку, спотыкаются о нас и отпихивают с дороги. Мы боремся. Бестия волочёт меня за поворот, что-то нечленораздельно бормоча себе под нос. Она точно спятила.

– Да отцепись ты! – требую я. – Выход близко...

Вместо ответа она снова прописывает мне оплеуху. Моё самообладание мне изменяет. Да какого дьявола? Нам нужно бороться не с друг другом, а с теми, кто устроил нам такой «праздник»! Увы, она не намерена слушать мои доводы. Сцепившись, мы летим в темноту.

В ещё одну яму.

В последний момент я успеваю вонзить лезвие стилета в землю, и только плотные корни растений спасают меня от падения. Психопатка летит вниз, напоследок содрав с меня туфлю. Я держусь за рукоять стилета обеими руками, силясь вытянуть себя из ямы. Мне сказочно повезло, что я всегда была щуплой – на скудных заводских пайках не отъешься, а тут нас стращали за каждую съеденную порцию, чтобы это не сказалось на фигуре.

Но мне никогда не приходилось вытаскивать откуда-то своё тело, сколько бы оно ни весило. Задача не из лёгких.

Края ямы осыпаются, когда я сучу ногами в поисках опоры. Я чувствую, что лезвие движется и режет корни, в которых застряло. Минута и всё будет кончено.

«Давай! – командую я себе. – Ты не имеешь права так тупо сдохнуть!»

Вся жизнь проносится у меня перед глазами, и я с ужасом осознаю, насколько она была пустой. Мне нечего вспомнить. Комнатка в общежитии при заводе, что мы делили с пятью другими работницами женского пола разного возраста. Скучные приёмы пищи. Станок, за которым и проходил весь мой день. Ночь без сновидений. Темнота и тишина. Унылые лица. Плешивый бригадир. Мир, тесный, как коробка для обуви. Напрочь лишённый красок и смысла.

Нет, было кое-что ещё:

Он достаёт пистолет, прижимает дуло к моему подбородку и спускает курок.

Я выпрыгиваю вверх, словно выныривая из толщи воды. Сердце бешено стучит в груди. Я так сильно сжимала рукоятку стилета, что она отпечаталась у меня на ладонях. Пальцы гудят от напряжения. Всё тело гудит.

Из последних сил я прячу оружие под одежду – уже не белую, а сплошь испачканную грязью и зелёными пятнами травы, и верчу головой, пытаюсь сориентироваться в пространстве. Выход был где-то рядом, но вот где?

Звук помогает мне найти нужное направление.

Я выхожу на свет. Густая поросль раздвигается в стороны,

являя мне площадку, залитую светом факелов.

Я пришла позднее всех.

Это – конец.

Сделав пару шагов, я валюсь на руки Люсии.

– Я последняя? – шепчу я.

Она молчит, встревоженно закусив губу. Над её бровью свежая ссадина, оставленная колючим кустом, на который мы напоролись по пути.

– Я последняя? – хрипло повторяю я.

Собственный голос кажется мне чужим.

– Нет! – вдруг восклицает она и поворачивается к выходу вместе со мной.

Ещё одна девушка переступает «финишную черту» и валится наземь без чувств. Я тоже теряю сознание – недолгая схватка за жизнь и вся эта безумная гонка высосали меня до капли.

Я прихожу в себя уже в салоне автомобиля. Даже тусклый свет режет глаза. Моя голова покоится на плече Люсии. Она задумчиво распутывает мои волосы, сбившиеся в колтуны.

– Только не говори, что сейчас нас ждёт ещё какое-то дерьмо, – умоляю я.

– Нет-нет, – Люсия мотает подбородком. – Химена сказала, что нас везут домой. – Она делает паузу. – В «Дом мотыльков».

– Дом, – я перекаत्याю это слово на языке.

Я не знаю, что такое дом.

Я забираюсь в ванну со львиными лапами, не в силах даже включить воду и снять испорченную одежду. Я просто сижу, облокотившись на холодный керамический бортик, и смотрю на своё измученное отражение во всех этих огромных зеркалах. Я искренне сочувствую этой несчастной, какой потерянной и избитой она выглядит. От прежнего лоска не осталось и следа. Лицо грязное, щёки впали. Глаза кажутся ярче и темней, не синими, а почти чёрными, как обсидиан.

Боже!

Я никогда в своей жизни не видела обсидиан. Мне известно, что это – камень, и я примерно представляю себе его цвет и фактуру. Откуда?

И почему это беспокоит только меня?

У остальных девушек сейчас хватает и других причин для беспокойства. Я мельком слышала, что из двадцати уцелело четырнадцать. Шесть погибли в лабиринте. Не имен, не личностей, сухая констатация факта. Мы – расходный материал.

Это порядочно выводит меня из себя.

И пусть та полоумная с огромной скрипкой чуть меня не угробила, я силюсь вспомнить её имя, хоть что-то о ней, чтобы она не исчезла совсем. Ничего. Ничегошеньки. Я не уделяла этому и толики внимания, сконцентрировавшись на Люсии. Изредка в фокус попадали Карла – из-за яркой внешности и громкого голоса и грудастая Изабелла, лишь пото-

му, что её прозвище я сочла оскорбительным. Словно кроме внушительных сисек в ней не было больше ничего ценного.

Уцелела ли она?

Главное, что уцелели мы с Люсией.

И она приходит ко мне, не смотря на то, что ночные прогулки по «Дому мотыльков» не приветствуются. Она слишком взбудоражена, чтобы подчиняться правилам. Я слышу, как открывается дверь, а потом она возникает в ванной. Решив, что я моюсь, Люсия смущённо отворачивается.

– Входи, – зову я, – всё хорошо, я не голая.

Люсия в отличие от меня успела сменить одежду и умыться. Её волосы мокрые после душа. Немного помявшись возле ванны, она забирается внутрь и садится у противоположного её края. Эта ванна такая здоровая, что мы могли бы устроиться здесь и вчетвером, будь у нас компания.

– Ты знала об испытании? – спрашиваю я. – Заранее.

Люсия вздыхает.

– Нет, – после паузы говорит она, – не знала. Но на приёме...

Она умолкает, и это меня злит. До сегодняшнего вечера я готова была терпеть всё это гримасничанье других девушек, но теперь поняла, как высоки ставки. Конечно, глупо срывать злость на ней, но больше не на ком.

– Говори, – жёстко требую я.

– На приёме один из гостей сказал мне, чтобы я смотрела под ноги, – с явной неохотой отвечает Люсия. Она стара-

тельно отводит взгляд. — Миранда, не подумай чего такого! Я решила, что он это сказал из-за платья — у меня была очень длинная юбка, я боялась на неё наступить и упасть.

— Ясно, — я киваю. — Что за гость?

— На нём была маска... такая...

— С оскаленной пастью?

— Нет, с полосками, — быстро говорит Люсия.

Выходит, это был какой-то другой гость, из чего я делаю вывод, что все они определились с «фаворитками». Возможно, на нас даже делали ставки. Мне становится до смерти любопытно, сколько стоит моя жизнь. Денег я в глаза не видела, на заводе нам не платили, ведь мы трудились во имя общего блага, но у верхушки всё устроено как-то иначе. Должно быть.

— Что ещё ты знаешь? — наступаю я. — Будут ещё испытания?

— Да... — говорит Люсия. — Я слышала... как Химена с ними говорила.

— Сколько?

— Два.

Я откидываю голову на бортик ванной и смеюсь. Уроки этикета и дурацкие танцы больше не кажутся мне такой неприятностью. О, это были цветочки! Впрочем, меня утешает мысль, что теперь у меня есть стилет. Он мне точно ещё пригодится.

И я обязательно вспрою им глотку своему «покровителю»

при следующей нашей встрече.

Я знаю, *кто* это был.

3.2.

Новое испытание не заставляет себя долго ждать, а вот наша встреча с *ним* откладывается на неопределённый срок.

В этот раз обходится без предварительных «смотрин», да и пробежка по лабиринту основательно поумерила воодушевление других девушек. Во время перерыва между «конкурсами» они продолжали свои занятия, но вяло, по инерции. Кажется, до них в кои-то веки дошло, что всё это – чистой воды показуха, а отбирать нас будут совсем по другим критериям. Сдались кому-то их пляски или игра на инструментах!

Главное – выжить.

Но к моему огромному огорчению нас всё равно заставляют нарядиться к вечеру. Корсет затянут так туго, что мне нечем дышать, а голова зудит от парика. Я трачу массу сил, чтобы не расчесать себе голову в мясо, сунув под него пальцы. Ещё чего доброго решат, что у меня блохи.

Хуже всего – бюст, руки и плечи открыты, и мне негде спрятать стилет.

Как выясняется, он бы мне и не помог.

Гостей от нас отделяет тёмное стекло. Полагаю, что они могут нас видеть, а мы их – нет. По углам толпятся солдаты с автоматами наперевес, но им мы совсем не интересны. Не исключая, что они дрыхнут под своими глухими шлемами,

и ждут не дождутся, когда же этот цирк подойдёт к концу.

Химена, одетая в восхитительное лиловое кимоно, окидывает их рукой.

Она говорит:

– Стекло – пуленепробиваемое, мои дорогие. Так что без глупостей.

Она грозит нам пальцем.

Не нам всем, а конкретно мне.

Чуть позднее я понимаю, о каких «глупостях» идёт речь.

Нас, тринадцать оставшихся кандидатов – ведь Карла уже вытянула свой счастливый билет, – рассаживают за круглым столом. В центре – блюдо, покрытое серебряной крышкой. Люсия, устроившаяся подле меня, таращится на него, словно это – гремучая змея, что вот-воткинется в лицо одной из нас.

Мне эта штука тоже не внушает доверия.

– Эта старинная забава называется «русская рулетка», – заводит свою шарманку Химена. Она поднимает крышку, демонстрируя нам пистолет, лежащий на блюде. – В барабане один патрон. Каждая из вас по очереди должна поднести пистолет к виску и спустить курок. И пусть Госпожа Удача вам улыбнётся.

«Миленько-миленько» – думаю я, уже прикидывая, есть ли у меня шанс всё-таки прострелить пуленепробиваемое, как уверяла Химена, стекло. Я останавливаю себя, признав, что это – плохая идея.

– Однако, – продолжает Химена, – сегодня у вас есть шанс отказаться от испытания. Отказаться и отправиться домой.

Люсия дёргается, будто собирается встать. Я кладу ладонь ей на коленку и чуть сжимаю. Поймав её взгляд, я качаю головой.

Впрочем...

Это её дело.

Я убираю руку.

Три девушки уходят – грудастая Изабелла, носатая Мария и сладкоголосая Даниэла. Я это не придумала – она одна тут удостоилась более-менее приятного прозвища, не связанного с её внешностью. После лабиринта я наострила ушки, чтобы разобраться, кто есть кто и запечатлеть подруг по несчастью в своей памяти.

Эти три девицы – больше не наши «подруги по несчастью», они оказались куда разумнее нас.

Люсия остаётся.

Первой к пистолету тянется Елена, она же – смуглая Елена. Её кожа почти что чёрная, а кровь, наверное, достаточно горяча, чтобы она подала всем пример. Барабан прокручивается со щелчком. Удача, пожалуй, любит храбрых.

Следующим трём девушкам тоже везёт.

Подходит очередь Люсии.

Я замечаю, как дрожат её руки. Для её маленьких пальцев пистолет слишком громоздкий и тяжёлый. Она вновь пытается встать.

– Поздно, дорогуша, – нараспев произносит Химена, – ты упустила возможность уйти. Давай-давай.

«Как же ты меня бесишь», – думаю я.

Люсия подносит дуло к виску и закрывает глаза.

Я поворачиваюсь к стеклу, не вынося напряжения, и представляю тех, кто стоит за ним, наблюдая за представлением. Что они испытывают в этот момент? Сопереживают бедной испуганной девушке? Смеются над ней? Быть может, их возбуждает чужой страх?

Люсия остаётся жива.

Она обессиленно сползает в кресло.

Я без промедления принимаю у неё пистолет и быстро спускаю курок.

Есть что-то трогательное в твоей наивной вере, но у меня нет времени слушать эти разглагольствования.

Ничего.

Шум крови в ушах нарастает. Моё тело запоздало реагирует на миновавшую угрозу жизни. Я понимаю, что не дышала всё время, что длилась моя очередь. В горле сухо, в глазах ещё суше. Я настойчиво гипнотизирую взглядом тёмное стекло, пока выстрел, прозвучавший совсем рядом, не вырывает меня из оцепенения.

Выстрел и брызги – не то крови, не то мозгов, окропившие мне левую щеку. Кажется, моя кисть весит целую тонну, когда я поднимаю её, чтобы стереть с кожи мерзкие капли.

Химена хлопает в ладоши, а следом за ней и все присут-

ствующие.

Я не хлопаю.

Я так и держу руку у лица, позабыв, как управлять своими конечностями.

– Поздравляю, мои девочки! – говорит Химена. – Вы проходите дальше.

Кое-как совладав с собой, я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на свою мёртвую соседку. Если бы не лужа крови, расползающаяся вокруг неё, можно было бы подумать, что она просто задремала. Сквозь светлые волосы, чуть испачканные кровью у виска, проглядывается бурое пятнышко пулевого отверстия, крошечное, как след от помады.

Никки, блондинка. Она меня терпеть не могла и называла «крашеной дрянью», ревнуя к навязанному цвету волос.

Как бы там ни было, мне её жаль.

Все расходятся, а она остаётся лежать.

Химена удерживает меня за руку у дверей.

Она шепчет мне на ухо:

– А ты везучая, синеглазая. Пуля могла зацепить и тебя.

– Нда... – бормочу я, – везучая.

Мы с Люсией гуляем в саду. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я возобновила свои гимнастические упражнения со шваброй. Теперь мы здесь совсем одни – другие де-

вушки слишком смятены и подавлены. Они предпочитают прятаться в своих комнатах или также, как и я, искать утешение в бесполезных тренировках.

Люсия сидит на краю фонтана и апатично ловит его струи ладошкой.

Она утратила интерес к игре на пианино, больше не радуется вкусной еде и красивой одежде. Её взгляд потух, а вместе с ним воля к жизни. Наверное, она жалеет, что не ушла, когда была такая возможность.

Точно жалеет.

– Нас осталось восемь, – говорит она.

– Как? – изумляюсь я и провожу несложные подсчёты в уме. Шестеро кандидаток «вышли из игры» в лабиринте, Карлу освободили от испытаний, трое ушли, ещё одна вышибла себе мозги...

– Карен ночью пыталась сбежать, – тихо отвечает Люсия.
– Её поймали и...

Я опускаю палку и пристально смотрю подруге в глаза. Её привычка недоговаривать изрядно меня раздражает.

Раз уж начала – то чего теперь сдавать на попятную?

– Наверное, убили, – трагическим шёпотом сообщает она.

– Наверное? – уточняю я.

– Ты не слышала выстрелы?

Я качаю головой.

Должно быть, окна моей спальни выходят на другую сторону.

Люсия слезает с мраморного парапета и подходит ко мне. Она совсем маленькая, и чтобы заглянуть мне в лицо, ей приходится задирать подбородок. Её темные глаза очень печальны и полны мольбы. Она накрывает мою руку своей.

– Это я к тому... – она встревоженно озирается, – чтобы ты *этого* не делала.

– Чего не делала?

– Не сбегала, – поясняет она. – Миранда, пожалуйста. Это очень опасно. Дом хорошо охраняют... Может, перед следующим испытанием нам снова предложат отказаться?

Почему-то мне кажется, что нет. Но я не хочу её пугать, делаясь своими мрачными предчувствиями. Мы зашли слишком далеко и сворачивать поздно.

Другой вопрос – жалеет ли Люсия, что не воспользовалась возможностью перед «русской рулеткой»?

– Может, – говорю я, – ты уйдёшь?

Люсия пожимает плечами.

– Вдруг мы победим? – задумчиво роняет она.

– Даже если мы не сдохнем, победит только одна из нас, – напоминаю я, – Химена сказала, что в гарем возьмут одну девушку.

– Ну... – мямлит Люсия, – а может они сделают исключение? Может, Лидеру понравимся мы обе? Он же придумал эти правила?

– Эти правила придумал конченный псих, – раздражённо говорю я.

Выхаживая нервное напряжение, я слоняюсь туда-сюда по дорожке. Люсия семенит за мной на своих коротких ногах. Я бью палкой кусты, словно они в чём-то виноваты. Листья и лепестки устилают наш путь.

– Зачем вообще всё это нужно? – принимаюсь рассуждать я вслух. – Это же какой-то бред! Ну ладно ещё – научить нас петь, плясать, брэнчать на инструментах и доставлять мужчине удовольствие. Но к чему эти садистские испытания? Какой в этом смысл?

– Изабелла считает, что это нужно, чтобы доказать нашу верность, – сообщает Люсия и добавляет, будто оправдываясь: – Я с ней говорила. Типа... Мы будем приближены к самому главному человеку в Государстве, а на него часто совершаются покушения.

– И? – с сомнением тяну я. – Нам своими спинами его, что ли, закрывать? А все эти солдаты тогда на что? Вот пусть они и доказывают свою верность. Не слишком ли много от нас требуют? И ради чего? Ради превеликой чести раздвигать ноги перед каким-то ублюдком!

– Миранда! – испуганно восклицает Люсия.

Она озирается по сторонам. Спасибо, что не заглядывает под каждый камень на предмет посторонних ушей. Я, конечно, зря над ней потешаюсь. Мне бы следовало следить за своим языком.

– Зачем ты подала заявление, если... – подруга теряется, не зная, как сформулировать крамольную мысль.

– Если я не в восторге от Его Лидерства? – фыркаю я. – Да потому что мне всё равно нечем было заняться. Тебе хорошо жилось? Ну, если бы не сестра, ты бы пошла сюда?

– Да, – говорит Люсия.

– Почему? – я удивлённо округляю рот. Я была уверена, что она делает всё это исключительно ради того, чтобы воссоединиться с Альбой или хоть что-то выведать о её судьбе. Скорее всего, крайне печальной. Альба запросто могла погибнуть во время одного из испытаний.

– Потому что мне всё равно нечем было заняться, – возвращает Люсия мои же слова.

Это вынуждает меня по-другому на неё взглянуть: что, если она – такая же, как я?

Не стоит исключать, что Люсия просто прикидывается милой простушкой, а на самом деле тоже задаётся всеми этими вопросами. И выходит у неё лучше моего – она точно достигнет цели.

Я хочу верить, что её цель – разрушить этот иллюзорный мирок.

Я почти в это верю.

3.3.

Мы не успеваем подготовиться к последнему испытанию. К такому в принципе невозможно себя подготовить. *Они* буквально застают нас врасплох: я засыпаю на мягкой постели в своей комнате, а просыпаюсь на жёстком полу в темноте. Всё, что мне остаётся – тактильные ощущения, звуки и запахи.

Я оцениваю их, пытаюсь понять, что происходит.

Что на этот раз изобрели для нас эти садисты.

Воздух стылый и холодный. Влага оседает на коже. Пахнет плесенью. А ещё мои руки и ноги связаны, и, судя по тому, что спиной я чувствую что-то тёплое, – привязана я к чьей-то чужой спине.

– Эй, – тихо зову я, слепо щурясь в темноту. – Кто здесь?

– Ах... – стонет другая кандидатка за моей спиной, и я с облегчением узнаю Люсию.

Я сомневаюсь – а испытание ли это? Быть может, она не зря боялась, и кто-то подслушал наши опасные разговорчики, и за них мы получили путёвку в застенки? Паршивый расклад. Ладно я – но Люсия этого не заслуживает.

– Эй! – кричу я, на сей раз обращаясь не к подруге, а кому-то, скрытому во мраке. – Эй! Отпустите нас!

Шорох радиопомех заставляет меня подпрыгнуть на месте. От резкого движения верёвка натягивается. Люсия му-

ченически вздыхает.

– Аккуратнее, – умоляет она.

– Привет-привет, мои дорогие! – доносится откуда-то голос Химены, искажённый скрипучим динамиком. – Вот и ваше последнее испытание. Оно будет самым простым.

– Простым... – бормочу я.

– Вам всего лишь нужно выйти из этой комнаты, – продолжает эта тварь. – У вас будет час, чтобы выбраться. Но...

Ещё бы обошлось без треклятого «но»!

– Но одной придётся остаться здесь, – явно наслаждаясь, тянет она.

Я жду новых инструкций, но их нет. Вместо этого я различаю звук капающей воды совсем рядом с нами. Дурной знак. Желудок сворачивается узлом.

– Что она имела в виду? – спрашивает Люсия.

В этот момент вспыхивает яркий свет. Проморгавшись, я задираю голову и вижу открытый люк в потолке – свет льётся в него. Он обрисовывает детали нашей темницы – глухие металлические стены, покрытые конденсатом, и грязный ржавый пол. Присмотревшись, я понимаю, что это не ржавчина – а тёмные лужи, натекающие из нескольких отверстий наверху.

Вода стремительно прибывает.

Люк в потолке – единственный выход из этой коробки, но он так высоко, что до него не дотянуться.

– Нам надо освободиться, – деловито говорю я, но в моём голосе отчётливо сквозит паника, как бы я не силилась её

скрыть. – Давай начнём с этого... а потом...

– Как? – жалобно тянет Люсия.

Насколько позволяют пути, я ощупываю себя на предмет узлов, и окончательно сникаю. Скорее всего, они у меня за спиной. Догадавшись, что я задумала, Люсия тоже начинает возиться.

– Они не спросили, хотим ли мы в этом участвовать... – вздыхает она.

– Если ты ещё не поняла, им плевать на наше мнение, – сердито говорю я. – Что-то мне подсказывает, что и девушки, отказавшиеся от «русской рулетки» уже не жилыцы.

– Ты думаешь, их убили? – пугается Люсия.

– Люсия, – устало начинаю я, – на твоей памяти кто-то возвращался на завод из «Дома мотыльков»?

– Нет, – отвечает она, – но Химена говорила, что мы можем «приглянуться» другим высокопоставленным господам, кроме Лидера...

– Надеюсь, что ты права.

Увлёкшись своими попытками дотянуться до узлов, мы теряем равновесие и заваливаемся на бок. Я отплёвываюсь от воды с противным металлическим привкусом, попавшей мне в рот. Голову приходится держать высоко, и мышцы шеи моментально сводит. Лужа вокруг нас основательно разрослась. Такими темпами мы захлебнёмся до того, как успеем скинуть верёвки.

– Восемь, – бормочу я, – значит, они разбили оставшихся

по парам, чтобы в итоге прошло четверо. Плюс Карла, победившая в лабиринте.

– Ага, – без особого энтузиазма соглашается Люсия.

– Всё это... – продолжаю я, – вся наша жизнь – сплошной грёбаный лабиринт.

Силы покидают меня. А вместе с ними, вытекающими из тела, изо рта вытекают слова:

– Ты спрашивала, почему я в это ввязалась, если не хочу стать подстилкой уроды, что всё это создал. Я хотела подобраться к нему, чтобы убить. Может, тогда всё бы закончилось. Мы стали бы свободными... Я... Что ты о себе знаешь? Люсия Санчес, завод оптики, кроме того, что у тебя была сестра?

– Это и знаю, – соглашается она.

– Вот-вот, – говорю я, – я тоже. Ничего о себе самой не знаю. Единственное, что у меня было...

Я умолкаю, сражённая внезапным открытием.

Единственное, что у меня было – *желание уничтожить этого гада*. Не важно, почему. Я просто знала, что создана, чтобы его убить и разрушить *лабиринт*, словно кто-то вложил эту идею в мою голову.

– Эй! – зовёт меня Люсия. – Ты там уснула?

– Нет, – меня встряхивает её голос.

Погрузившись в свои размышления, я упустила момент, когда верёвка ослабла. Наверное, она размягчилась из-за пропитавшей её воды, по крайней мере, стала скользкой. Об-

радовавшись этой возможности, я неистово ворочаюсь, чтобы оказаться с Люсией лицом к лицу. Я чувствую её дыхание на щеке и трепет ресниц близко-близко.

– Потерпи, – шепчу я ей в веко, – сейчас...

– Ура! – восклицает она, стоит мне развязать первый узел.

Мы энергично расправляемся с остальными и вскакиваем на ноги, взбаламутив тёмную воду вокруг. И смотрим вверх.

Кажется, я всё поняла.

Я стискиваю плечи Люсии в своих ладонях.

– Послушай, – вкрадчиво говорю я, – тут высоко, но ты дотянешься, если я тебя подсажу. Ты должна выиграть и найти свою сестру. Потому что у тебя она есть, а это – больше, чем ничего. И уж точно больше, чем есть у меня...

– Что? – перебивает она. – Нет, Миранда, что ты такое говоришь?!

– Я хочу поступить правильно, – заверяю я. – Если я отсюда выйду – заберу одну жизнь. Возможно, больше. Если останусь – спасу твою.

– Нет! – повторяет Люсия.

Она хмурится, размышляя.

– Да ладно, – не унимаюсь я. – Ты победишь. Ну, войдёшь в пятёрку финалисток. Вряд ли они просто оставят меня здесь, чтобы я утонула. Испытание закончится, и меня вытащат.

– Ты уверена? – опасливо уточняет Люсия.

– Ага, – говорю я без тени уверенности.

Она ещё какое-то время стоит, взвешивая все «за» и «против», после чего крепко меня обнимает.

– Обязательно найди свою сестру, – прошу я, – обещаешь?

– Обещаю.

Когда она отстраняется, я вижу дорожки от слёз на её щеках. Сама я не плачу. Разведу сырость – что очень легко, учитывая, что кругом и так вода – Люсия упрётся рогом и откажется. Мне это не нужно. Я всё решила, и всё ей озвучила. Она обязана понять.

Люсия маленькая, но весит прилично.

Мне далеко не с первой попытки удаётся её посадить. Раз-другой мы падаем и барахтаемся в воде, достигшей нам уже до колен. Возможно, нам стоило подождать, пока уровень поднимется, чтобы воспользоваться уроками плавания, что нам давали. Но я боюсь рисковать. Химена сказала, что у нас всего час. Вдруг, как время выйдет, они убьют и Люсию.

Пусть она выиграет.

Пусть увидит сестру.

В этом есть смысл. В моей жизни нет. Священная война – это, конечно, здорово, если тебе есть во имя кого бороться. Я – совсем одна, Миранда Гомес с машинного завода, без семьи, без друзей, без прошлого и без будущего.

Люсия хватается за перекладину, вделанную в люк. Её тело загораживает свет. Я вижу её в последний раз.

Я ложусь на спину, раскидываю руки, и представляю, что качаюсь на морских волнах.

Хотела бы я знать, как выглядит море.

Меня вырывает из небытия какой-то навязчивый звук. Постепенно я понимаю, что это стучат мои зубы. Я жутко замёрзла. Всё тело свело. Не спасает даже что-то тёплое, мягкое и благоухающее цветами, что окутывает меня со всех сторон.

Разлепив веки, я вижу комнату – в ней светло и всюду позолота. Вычурная роскошь «Дома мотыльков» узнаётся без труда. Я сижу на диване, с ног до головы укутанная в огромное махровое полотенце. Вода с волос продолжает стекать по лицу, стремясь забраться мне в рот.

Я вытираюсь краешком полотенца.

Как ни странно, мне хочется пить. Это противоречит логике, ведь я только что чуть не утонула. Важное уточнение – чуть. Мне жизненно-необходимо узнать, почему этого не произошло.

Нас всё-таки вытащили?

Я здесь не одна – на других диванах сидят ещё три девушки, но за нагромождением ткани видны только их лица, как бутоны цветов, выглядывающие из розовых лепестков. Одно уж слишком красное. Кажется, это кровь.

Наверное, не всем конкурсанткам удалось полюбовно договориться между собой, как это сделали мы с Люсией. Мне

страшно развивать эту мысль. В отличие от меня та девушка будто плавала не в ржавой воде, а в крови. В крови той... Той, что победила?

Вот тут возникают сильные сомнения, потому что в комнату wpłyвает Химена.

И она не одна.

За ней следует высокий мужчина в чёрном кителе, со всех сторон окружённый солдатами.

Легко догадаться, *кто он*.

Замыкает процессию рыжая Карла. Она присаживается на свободный диван, подальше от нас – мокрых, растрёпанных и познавших всю боль испытаний, от которых она была освобождена. Не сомневаюсь, что Карла не хочет испачкать роскошное платье, что надела по такому случаю. Видок у неё – будто она хозяйка «Дома мотыльков», а мы нищие, что явились сюда побираться.

Я предчувствую, что сейчас Химена примется распинаться, потому что заранее закусываю край полотенца. Сдержаться и не обругать её последними словами – выше моих сил.

Да, всё так.

– Поздравляю, мои храбрые девочки! – торжественно говорит она. Сегодня её причёска такая высокая, что в этом коконе запросто могли бы поселиться маленькие птички или насекомые. Им бы было, что опылять – все эти тропические цветы, что она напихала в волосы. – Вы – пятеро лучших.

– Эмм... – ткань гасит моё возмущение, смешанное с

недоумением. К счастью, никто не обращает внимания, что я невнятно мычу себе под нос. Край полотенца во рту поглощает звук.

Как это?

Почему я здесь?!

– Но лишь одна из вас удостоится великой чести отправиться во Дворец, – продолжает свои разглагольствования Химена. Она заискивающе смотрит на Лидера. Лидер смотрит на неё с таким выражением, словно ему не хочется тут быть.

Мне не показалось – наш грёбанный предводитель вовсе не радуется тому, что сейчас получит в своё распоряжение новую игрушку.

Мог бы для приличия и улыбнуться!

– Господин... – Химена тоже теряется.

Я жду, что он ткнёт в кого-то из нас пальцем, но он даже не глядит на товар, выставленный на этой аляповатой витрине. Он что-то тихо говорит Химене. Она кивает с серьёзным видом.

«Что же это? – гадаю я. – Никто из нас ему не приглянулся?»

Видимо, нет.

Развернувшись на каблуках сапог, Лидер уходит. Солдаты спешат за ним, а мы все, оставшиеся, чувствуем себя обманутыми.

– Ты, – Химена вдруг направляется прямо ко мне, – по-

здравляю, синеглазая.

– Чего?! – не выдерживаю я. – Да как так-то?

Я недоверчиво кошусь на её протянутую руку, слишком ухоженную и чистую, чтобы я притрагивалась к ней пальцами, продрогими после купания в ледяной воде. Грязными пальцами. Взгляд Химены настойчиво рекомендует мне не выпендриваться, а пожать её кисть. Я высвобождаю руку из-под слоёв полотенца и неуверенно касаюсь кончиков её пальцев. Химена тут же их отдёргивает.

– Как же Люсия? – вырывается у меня.

– Пойдём, – вместо ответа распоряжается Химена. – Нужно привести тебя в божеский вид.

Я шатко встаю на ноги. Взгляды четверых кандидаток, потерпевших поражение, жгут мне спину.

– Как же Люсия? – упрямо повторяю я.

– Ты принесла себя в жертву, – говорит Химена, – это куда ценнее, чем желание победить любой ценой, ведь это доказывает, что ты пожертвуешь собой ради Лидера.

В моём горле рождается булькающий смешок.

Видимо, вода вышла ещё не вся.

«Чёрта-с два», – думаю я со злым ликованием.

4.1.

Ладно, забираю свои слова обратно, я сильно погорячилась.

Лабиринт, «русская рулетка», яма с водой – были ещё цветочки. После моей «победы» начинаются... *настоящие* испытания.

Если конкретнее – подготовка к отправке во Дворец.

Ко мне приходит целая толпа неразговорчивых служанок. Они загоняют меня в ванну, где долго натирают какими-то сильно пахнущими мазями, маслами и средствами, будто меня не отвезут в гарем Лидера, а подадут на ужин ему к столу. Разве что яблоко в задницу не засовывают! Впрочем... Глядя правде в глаза, я бы предпочла яблоко, а не процедуру избавления от всех волос на теле, кроме бровей, ресниц и тех, что растут на голове. Это до жути больно. Служанки не жалеют даже мелкие светлые волоски на предплечьях, о существовании которых я и не догадывалась, пока их не выдрали с корнями.

Мне красят ногти на руках и ногах, а высветленную паклю долго натирают лосьонами, чтобы она стала блестящей и гладкой. На лицо наносят косметику. Тело облачают в золотистый лиф и полупрозрачные шаровары и щедро орошают духами. Однако никто не имеет права лицезреть мои «преlestи», кроме Лидера, потому поверх всего этого великоле-

пия наматываются слои пёстрых шалей.

Я спелёната, упакована, словно подарок. В моей прежней жизни такого понятия не было, но я не сомневаюсь, что высшие чины Государства, имеют объективное представление, что такое подарки.

Меня сопровождают в машину, предварительно завязав глаза шелковой лентой и сковав руки. Всю дорогу я провожу в темноте – понятное дело, мне нельзя знать, где расположен Дворец, как и рисовать в уме схему его внутреннего устройства.

Повязку с глаз и наручники снимают лишь по прибытию.

Я чешу нос, о чём мечтала уже давно, и озираюсь по сторонам. Здесь есть, на что посмотреть: просторное помещение наводит на мысли о каком-то древнем храме. Мраморные колонны подпирают высокие своды расписного потолка. Окон нет, но дневной свет проникает через стеклянную крышу. Витраж делает потоки света разноцветными, мягкими и рассеянными.

Откуда-то доносится тихая умиротворяющая мелодия.

Пахнет так сладко, что слюна сама собой наполняет рот.

Посреди залы расположен огромный бассейн с бирюзовой водой. В нём беззаботно плещутся две девушки. Оглядевшись, я нахожу глазами и остальных: они рассредоточились на кушетках и подушках, разбросанных по полу, среди растений в массивных кадках.

Солдат, сопровождавший меня, спешно уходит. Очевид-

но, что ему строго-настрого запрещено не только находиться в гареме, но вообще смотреть на *собственность* Лидера.

Собственность.

«Ёрничай-ёрничай, – говорю я себе, – ты то – теперь тоже его собственность».

Я не успела это обдумать. Все мои мысли занимала Люсия, и что стало с ней. Разумеется, ни Химена, ни служанки не извоили ответить на мои вопросы об участии проигравших кандидатов.

Но быть может, здесь кто-то в курсе?

Есть ли среди них Альба Санчес?

Ко мне решительным шагом направляются две девушки – одна светловолосая, высокая и статная, другая румяная, пышущая здоровьем толстушка с озорным взглядом.

Они обе по-своему хороши.

Я на их фоне – просто эксцентричное чучело.

– Привет, – говорит толстушка, – ты, получается, новенькая. Ну типа... с прибытием.

– Ага, – мычу я, гадая, чего от меня ждут. По-хорошему, мне нужно представиться. Я останавливаюсь на этом варианте и говорю: – Я Миранда Гомес...

– Не-не-не, – полненькая хихикает, – забудь. Отныне ты – Четверг. А я – Пятница.

Высокая пихает подругу локтем в бок.

Я стою с глупо открытым ртом. Сказать, что я не в восторге, что от наших и без того скудных личностей тут ничего

не оставили – ничего не сказать. Имена нам ни к чему. Мы – дни недели, когда нам предстоит ублажать Его Лидерство. Просто блеск!

– Хочешь сангрии? – любезно предлагает Пятница. Она отходит к столику и возвращается с бокалом. Я знать не знаю, что такое сангрия, потому молчу. Пятница протягивает мне бокал, но высокая перехватывает её руку.

– Нет, – строго говорит она, – хватит с нас и одной алко-голички, не спаивай новенькую, Пятница.

Я несмело кашляю, напоминая о том, что остро нуждаюсь хоть в каких-то объяснениях.

Пятница пожимает плечами и пригубляет напиток. Он оставляет на её губах алый след. Девушка проводит по ним языком и зажмуривается от удовольствия.

– Я – Понедельник, – представляется высокая, не подумав протянуть мне руку. Она в целом держится отчуждённо и исполнена высокомерия. Я ей не нравлюсь. Она продолжает: – Я за главную, так уж и быть, введу тебя в курс дела, чтобы по незнанию ты чего не натворила. Мы на «гаремной» половине дворца, это наша половина. На половину Лидера тебе ходить нельзя, только в «твой» день или если вызовут. Нельзя ходить на улицу, но можно гулять по саду и оранжерее. На кухню тоже нельзя. Будешь валять дурака – тебе конец. Мы под присмотром.

Я прослеживаю направление её взгляда и замечаю камеры, точнее – целые гроздья камер под потолком. Провода,

оплетают колонны, словно чёрные лианы.

– Вообще-то можешь заниматься, чем хочешь, – говорит Понедельник, – найди себе какое-то развлечение, но только не это... – она вынимает из пальцев Пятницы второй бокал, что та изначально принесла мне, а сейчас намеревалась под шумок осушить. – Нам разрешено пить алкоголь, но это не значит, что нужно им увлекаться. Ты меня поняла?

Кажется, это обращается к Пятнице, а не ко мне. Я на всякий случай киваю. Пятница обиженно надувает порозовевшие пухлые губы.

– От Воскресенья держись подальше, а то она запудрит тебе мозги, – инструктирует Понедельник, кивнув на девушку, с головой замотанную в разноцветные тряпки, – и от Среды тоже. Характер у неё не подарок. – Среда, должно быть, – наложница в чёрном закрытом платье, что держится поодаль от остальных. – Пожалуй, это всё, что тебе нужно знать для начала.

– Семь... – роняю я, – семь дней недели, но нас десять. Почему?

Невозможно определить значение взгляда, которым меня награждает Понедельник. Она чуть кривит рот, из чего я заключаю, что вопрос не пришёлся ей по вкусу.

– Три «запасные», – встречает Пятница, принимая огонь на себя.

– Три «запасные», – повторяет Понедельник. – Много будешь знать, скоро состаришься.

Бросив это, она разворачивается и идёт к бассейну. Она спускает с плеч бархатный халат, расшитый бисером, и остаётся полностью обнажённой. Её сильное, гибкое тело пловчихи постепенно исчезает в бирюзовой воде. Я застываю, любуясь её бронзовой кожей и совершенством форм.

Пятница, успевшая сбегать за ещё одной порцией напитка, настойчиво всучает мне бокал. Судя по всему, она обрадовалась, что Понедельник ушла и не станет порицать её за это пристрастие.

– Попробуй, – заговорчески шепчет Пятница, – да тут и градуса почти нет! Тоже мне – алкоголь. Зато фрукты очень вкусные.

– Фрукты? – заторможено переспрашиваю я. – Настоящие? Откуда?

– Из сада, – сообщает Пятница, – пойдём, я всё покажу. И тебе бы не помешало посетить солярий, а то ты бледная, как покойница.

Я перевожу на неё глаза, но мне не хватает храбрости озвучить вопрос, что так и вертится на языке.

Её имя, от которого она отеклась, случайно не Альба?

4.2.

Я не спрашиваю Пятницу об этом, как и остальных. Я решаю, что мне пора следовать более разумной тактике и привлекать к себе меньше внимания. Стану лезть, куда не просят – вылечу вон до того, как смогу добраться до Лидера.

А это – моя главная цель.

В гарем меня привезли в воскресенье, и у меня достаточно времени, чтобы подготовиться и раздобыть себе хоть какое-то оружие. Вот тут возникает проблема. В доступе наложниц и подавно нет никаких колючих-режущих предметов. Тот стилет остался в тайнике в «Доме мотыльков», и я даже не порывалась пронести его с собой. Слишком опасно. Пусть послужит той девушке, что придёт мне на смену.

Я не сомневаюсь, что скоро Химене придётся проводить новый конкурс, ведь я не переживу этот *четверг*.

Девушки предпочитают не распространяться, что меня ждёт, и это основательно действует мне на нервы. Всё, чего мне удаётся добиться от более-менее дружелюбных наложниц и болтливой по пьяни Пятницы – «я не пожалею, что удостоилась такой чести». Якобы Лидер щедр к обитательницам своего зверинца и не имеет привычки плохо обращаться с игрушками.

Ну-ну.

А куда тогда делась моя предшественница?

В среду я иду в библиотеку – трудно поверить, но здесь есть и она! – надеясь изучить место обитания хмурой девушки в чёрном, но натываюсь на неё собственной персоной. Она сидит в велюровом кресле с книгой на коленях, хотя, как я полагала, должна была греть лидерскую постель.

Завидев меня, она чуть изгибает тонкую бровь.

– Брысь, – бросает она.

– Но... – бормочу я.

– Хочешь посмотреть книги – делай это молча, – то ли советует, то ли всё-таки приказывает Среда. – Не мешай мне.

– Но разве ты не должна...

– Я никому ничего не должна, – заявляет она.

Я делаю вид, что изучаю корешки фолиантов на ближайшей полке, но меня так и подмывает засыпать её вопросами. Кажется, она умеет читать мысли.

– Сегодня у Цезаря близняшки, – говорит она.

Близняшки – это две одинаковые девушки из «запасных». Они ни с кем не общаются, кроме друг друга. В основном плещутся в бассейне или лежат подле него, лениво поедая фрукты с золотого блюда. Они практически неразлучны. Для меня загадка – как они попали сюда вдвоём, если конкурс проходит только одна. Выходит, из правил всё-таки есть исключения.

Жаль, что им не стала Люсия.

С ней мне было бы куда веселее.

– Цезаря? – переспрашиваю я, а в ответ слышу страдаль-

ческий вздох.

Повернувшись, я вижу, как Среда закатывает глаза.

– Иногда я забываю, какие вы все тут недалёкие, – устало говорит она, – цезарь, царёк, лидер и далее по списку. Если ты перестанешь слоняться без дела, а уделишь время самообразованию, поймёшь, о чём я. Я не собираюсь тебя просвещать.

– Ладно, – роняю я, но мне редко, когда удаётся сдержать язык за зубами. Её тон и высокомерие трудно проглотить, не огрызнувшись. – А ты, значит, «далёкая»?

– Я бы так не сказала, – сдаёт на попятную Среда, прищурив тёмные глаза. – Но я хоть пытаюсь не быть такой тупой, как остальные. Чего тебе от меня надо?

Я полагаю, что раз она постоянно торчит здесь, фактически захватив библиотеку в личное пользование, у неё должны быть ответы на какие-то из моих вопросов. Как минимум, до гарема я никогда не видела книг. В них, вроде как, содержится информация.

Я могу ошибаться.

– Ты прочитала все эти книги? – я задаю самый глупый вопрос из всех возможных.

Среда смотрит на меня, как на ничтожное насекомое.

– Я в процессе, – помедлив, отвечает она. – Это – моя работа.

– В смысле?

– Лидер вызывает меня, когда ему нужен собеседник, у

которого больше одной извилины, — заявляет она не без гордости, — для остального есть вы.

— Ты с ним не спишь? — изумлённо восклицаю я. — Но... я думала...

— Нет, — говорит Среда. Она наслаждается тем, в каком ступоре я пребываю от её слов. — Воскресенье тоже. Почему бы тебе не докопаться до неё?

— Она странная, — вырывается у меня.

Если Среда производит впечатление человека, знающего себе цену, а потому избегающего общества остальных «недалёких», то Воскресенье, как мне кажется, не в ладах с головой. С моего прибытия в гарем мы не перебросились с ней и парой слов. Я не замечала, чтобы она вообще с кем-то разговаривала. Она только сидит в углу, бормочет что-то себе под нос, и следит за окружающими жутковато-подвижными глазами. Это единственное, что не скрыто за слоями ткани, в которые она закутывается с ног до головы.

Я предположила, что она замкнулась в себе из-за того, что ей периодически приходится отдаваться ненавистному человеку.

Ну, я могу это понять.

Но...

— А что на счёт Четверга? — спрашиваю я. — Предыдущей девушки.

Среда морщит нос.

— Тебя интересует твоя функция? — уточняет она.

Я несмело киваю.

– О, тогда у меня для тебя плохие новости, новенькая, – говорит Среда. – Четверг была настоящей шлюшкой. От тебя, скорее всего, ждут того же самого. Хочешь подготовиться, – она неопределённо махнула себе за спину на стеллажи с книгами, – тут есть необходимая литература. Советую начать с «Камасутры», а там...

– Нет уж, спасибо, – оскорблённо бурчу я, припуская прочь.

По правде я спасаюсь бегством, пока мой гадкий рот вновь не сыграл против меня: мне до смерти хочется полюбопытствовать, есть ли здесь «необходимая литература», где рассказывается, как изготовить оружие из подручных средств.

Проблема в том, что Среда, судя по всему, довольно умна. Умным людям категорически нельзя доверять.

4.3.

В четверг меня поднимают с постели пораньше, чтобы снова подвергнуть всяким изуверским процедурам. Я стоически выношу второй сеанс избавления от растительности на теле, но в солярии меня охватывает паника. После комнаты без двеМиранда, где я чуть не умерла, я остерегаюсь находиться в замкнутом пространстве. Зато кожа становится почти такой же красивой, как и у остальных. Мне далеко до Понедельника, похожей на статую, отлитую из бронзы, но я больше не выгляжу бледной поганкой.

А толку?

В «хозяйскую» половину Дворца я отправляюсь с пустыми руками. Тревога и раздражение на себя, что я так и не придумала способа, которым расправлюсь с ублюдком, достигают апогея, пока я жду своего часа. Это настоящее издевательство. За мной приходят только к вечеру, когда я почти на грани нервного срыва.

Я уже в подходящей кондиции, чтобы вцепиться Лидеру в глотку и зубами выдрать ему трахею. Жаль, что у меня будет всего одна попытка, прежде чем его охрана меня прикончит.

Потому я приказываю себе собрать волю в кулак.

Мне полагается прикидываться «шлюшкой», как выразилась Среда, но наивно думать, что из этого выйдет толк. Я

плохая притворщица. Потому я пытаюсь казаться испуганной невинной овечкой.

Моя импульсивность меня погубит.

Для начала нужно оценить обстановку.

Нас с Лидером разделяет длинный стол, накрытый для ужина. Обстановка вполне приятная – в камине потрескивают поленья, на столе среди яств живые цветы и всюду расставлены канделябры со свечами. Полумрак мешает рассмотреть солдат, чей вид как-то не настраивает на нужный лад.

Я всё равно вижу их боковым зрением.

На Лидера я не смотрю, боясь себя выдать, потому прячу взгляд в бокале. Я привыкла к вкусу сангрии, пообщавшись с Пятницей, которая неустанно вливает в себя алкоголь. Как выяснилось, её румянец вызван не отменным здоровьем, а пристрастием к выпивке. Признаться, я не видела её трезвой. Она всегда в лёгком подпитии.

Кажется, Лидер тоже об этом думает.

Я чувствую его взгляд, осушая бокал до дна.

– Только не говори, что она уже успела тебя спить, – выдаёт он. Голос низкий и обволакивающий, а тембр приятен слуху. Ни дать ни взять – радушный хозяин, а не тиран.

Я не собираюсь обманываться.

– Нет, – однозначно отвечаю я.

– Славно, – заключает Лидер. – Вот тебе дружеский совет: не пытайся её перепить, даже мне этого не удавалось.

– Надо же, – откликаюсь я. Сангрия придаёт мне храбрости. – Премного благодарна за бесценный совет, *господин*. Но не были бы вы так любезны уточнить, о ком идёт речь? У вас во служении десять женщин. Это местоимение подходит к любой из них.

Он меняет позу, чтобы лучше меня видеть. Должно быть, хочет убедиться, что вместо Четверга к нему не явилась Среда. В действительности я сама в восторге от того, что мне удалось выдать такую длинную реплику, не сорвавшись на угрозы и оскорбления.

– Моника, – говорит Лидер. – Насколько мне известно, за другими не наблюдается пристрастия к распитию спиртного.

– Моника, – повторяю я.

Не Альба.

– Она не сказала тебе, как её зовут, – подмечает Лидер с лёгким смешком.

– А разве здесь это принято? – притворно удивляюсь я. – Никто не сказал. Я была уверена, что и у меня больше нет имени.

– А ты хотела бы, чтобы оно у тебя было?

Вопрос застаёт меня врасплох. Хотя я всячески этого избегала, но всё же смотрю на Лидера. Голова склонена к плечу, а в глазах пляшут озорные искры. Возможно, не зная я, кто передо мной, нашла бы этого мужчину весьма привлекательным. В его чертах и манере держаться есть что-то благородное, располагающее к себе.

Но у него всё равно полно недостатков. Главный из них – он диктатор и деспот, заставляющий людей жить по безумным правилам.

Самодур.

Садист.

И далее по списку.

Я не забыла цену, уплаченную за то, чтобы сидеть перед ним.

– Меня зовут Миранда Гомес, – говорю я, гордо задрав подбородок, – звали. Я была механиком на машиностроительном заводе, работала в цехе сборки. Но теперь я здесь, и моя личность больше не имеет значения.

– Красивое имя. Не стоит так драматизировать, – советует Лидер, – ты не пленница, Миранда. *Не бойся: этот остров полон звуков.*

– Неужели!? – вырывается у меня. – И я могу уйти, если захочу? Не в трупном мешке, а своими ногами?!

Слуга очень вовремя наполняет мой бокал, потому что пожар, вспыхнувший от этих слов в моей душе, может потушить только новая порция сангрии. А вот Лидера моя эскапада несколько не трогает. Он спокоен.

– Можешь, – говорит он, – чтобы что? Вернуться на завод? Какая преданность общему делу! Или здесь кто-то тебя обидел? Кто-то дурно с тобой обращался, Миранда Гомес?

Я задыхаюсь от злости, думая про лабиринт, «русскую рулетку» и комнату, наполненную водой.

Это – какая-то шутка?

– Не торопись делать выводы, – продолжает Лидер, – может быть, тебе понравится твоя новая жизнь.

– Что мне должно понравиться? – взрываюсь я. – Быть рабыней?

В паузе, повисающей после, есть что-то зловещее. Я вжимаю голову в плечи. Мой гнев обращается внутрь – на меня саму. Чего я этим добьюсь? Что меня прикончат или вышвырнут вон?

Тени шевелятся, а пламя свечей дрожит от дуновений воздуха. Замерев от страха, я вижу, как Лидер встаёт с места, медленно направляясь ко мне с идеально-прямой спиной. Будто вместо костей и мышц в его теле стальной каркас.

Я уверена, что сейчас он свернёт мне шею.

Легко, двумя пальцами.

Вместо этого он протягивает мне доверительно раскрытую ладонь. Я таращусь на неё, не зная, как на это реагировать.

– Попробуй, – с загадочной улыбкой говорит он, – вдруг быть «рабыней» не так уж и плохо. Если тебе так угодно это называть.

Я бросаю короткий взгляд на нож, лежащий подле моей тарелки, а потом пробегаюсь глазами по помещению – по камерам и равнодушным шлемам солдат. Кого я обманываю? Я не успею даже замахнуться.

Потому я вкладываю в его руку свою кисть.

4.4.

Он ведёт меня по просторным коридорам, и по полу стелется мрак.

Глаза щиплет от слёз, но я всё равно озираюсь по сторонам – вовсе не чтобы оценить помпезные детали интерьера и произведения искусства, украшающие стены. Наверное, эти картины в потемневших от времени рамах, были написаны задолго до того, как возникло наше Отечество. Они выглядят очень старыми, но мне на них наплевать. Я считаю камеры. Их чёрные очи провожают каждый наш шаг.

Их нет только в покоях Лидера.

Это первое, на что я обращаю внимание, украдкой отвернувшись, чтобы протереть глаза. Ни одной. Возможно, они просто хорошо скрыты. Но если так – у меня есть крошечный шанс. Не сегодня, но... однажды, когда в моём рукаве будет нож или что-то другое, способное оборвать чью-то жизнь.

Сегодня я пришла безоружной.

Это – моя вина.

Мне придётся за это поплатиться. Мне придётся терпеть, стиснув зубы.

От этих мыслей слёзы всё-таки льются из глаз, лишь усугубляя моё положение. Я – борец, я выжила в чёртовом лабиринте, а теперь плачу, словно... ребёнок, испугавшийся темноты.

Сравнение само собой приходит на ум.

– Эй... – зовёт меня Лидер. Его пальцы стирают влагу с моих щёк, и я вздрагиваю от прикосновения. Отвернув лицо, я неистово растираю глаза, пока они не начинают болеть. Зато слёзы иссякают. Я отчётливо вижу его. Здесь достаточно света, чтобы наконец рассмотреть моего врага.

Конечно, я видела его портреты, ведь они красовались в каждом помещении на нашем заводе, кроме уборных и комнат в общежитиях (ещё только этого не хватало!), потому я представляю себе, как он выглядит. Но одно дело – изображение кого-то абстрактного в орденах и знаках отличий, некий символ власти, другое – человек перед тобой, без кителя, в простой светлой рубашке и тонком галстуке. Вблизи я различаю и седину на висках, морщинки у губ и в уголках глаз. Глаз, что смотрят на меня с таким выражением, словно он способен на сочувствие.

Чудовище, монстр, тиран.

Мне приходится повторять это, чтобы не забыть.

– Я тебя не обижу, – заверяет Лидер и целует меня.

Разумеется, для меня это впервые в жизни. В «Доме мотыльков» Химена всё объяснила и провела практический урок, выдав каждой девушке по помидору для тренировки. Я ничего из этого не вынесла, хоть и получила теоретические познания о процессе.

На деле – это не так уж и страшно, даже приятно. Настолько приятно, что я ощущаю, как ноги наливаются свинцом.

Чтобы не упасть, я хватаю Лидера за руки. Он по-своему это трактует и отстраняется.

– Я никогда этого не делала, – принимаюсь оправдываться я, – я... толком ничего не умею, господин.

– Я знаю, – говорит Лидер, – и, пожалуйста, не зови меня так.

Всем известно его имя, известно и мне, но я предпочитала игнорировать его существование, про себя заменяя его оскорбительными прозвищами или ругательствами. Сегодня это кажется неуместным.

– Хьюго, – шепчу я, словно ощупывая буквы языком. Оно слишком мягкое и благозвучное для такого страшного человека, а в нынешних обстоятельствах звучит таинственно и интимно.

– Так куда лучше, – хвалит меня он.

Он гладит меня по лицу, как послушного питомца, что смог выполнить сложный трюк. Я заслуживаю похвалы. Это многого стоило. Лабиринт и то дался мне куда легче.

Пальцы Хьюго проходятся по моей шее, заканчивая свой путь у ключиц. На мне опять наряд наложницы – лиф и прозрачные шаровары. Я некстати вспоминаю о том, как мало скрывает эта одежда, и как много выставляет напоказ. Узкая полоска ткани не мешает руке Лидера двинуться дальше – по груди и животу.

Я отступаю, пока не упираюсь в кровать. Погружаясь в мягкость матраса, я будто снова тону. Хьюго ложится со

мной и снова неспешно целует. Ему некуда торопиться. Завтра сюда придёт другая, сегодня здесь только я.

И я полностью в его власти.

Собственность, а не человек.

Как ни странно, мне больше не страшно. Наверное, я просто устала от мучительного месива чувств, и на смену ему приходит равнодушие и любопытство, что произойдёт дальше. Мне не сбежать. Остаётся только ждать, когда всё закончится.

И терпеть.

Но я уже не уверена, что это слово применимо для случая.

Я ловлю себя на том, что постепенно начинаю получать удовольствие от того, как бережно меня касаются руки и губы моего врага. Так бережно, словно я – драгоценность, а не игрушка. Он расстегивает на мне лиф и накрывает губами грудь. Стон, вырвавшийся из моего приоткрытого рта, будто принадлежит другой девушке. Девушке, которая жаждала бы близости всем своим существом.

Я не против побыть кем-то другим, если это обелит мою совесть. Однажды я всё равно его убью, но потом. Пока я набираюсь храбрости, чтобы ответить на поцелуй, и выгибаю спину, стоит ладони Хьюго скользнуть под мягкий пояс шаровар.

Химена объясняла, как всё это устроено, так что я не удивляюсь реакциям своего тела. Оно словно пробуждается ото сна, познав на практике предмет всех прежних уроков.

Телу неведом стыд, в чём заверяет влажный жар между ног. Этот жар с готовностью принимает палец, легко проникающий внутрь.

Я хныкаю не от минутного дискомфорта, а от новизны ощущений, и, кажется, начинаю понимать, почему нас заверяли, что секса нет. Секс – это сила. Это – власть. Все мои убеждения отступают перед всколыхнувшейся животной жаждой. Я развожу бёдра. Мне нужно больше.

Лидер действительно щедр – он не заставляет меня долго ждать. К первому пальцу присоединяется второй, медленно погружаясь в меня, и растягивая.

– Какая хорошая девочка, – хвалит меня Хьюго, – но тебе нужно ещё постараться, чтобы потом не было больно. Постарайся для меня, Миранда?

Он целовывает капельку пота с моего виска.

Я киваю и шумно выдыхаю, приветствуя третий палец.

Искры разбегаются по всем нервным окончаниям, и ярываю поцелуй, не сдерживая вскрика, рвущегося из груди. Мои колени мелко трясутся, а руки немеют. Матрас засасывает меня в себя. Я – кукла, сорвавшаяся с нитей кукловода, что не способна двигаться без его помощи. Всё, что я могу – просто лежать, распластавшись на мягком хлопке постельного белья.

Из-под полуприкрытых ресниц я наблюдаю, как Лидер снимает свои галстук, рубашку и брюки. Мне не хватает смелости опустить взгляд, чтобы увидеть то, что сейчас, окажет-

ся во мне. Я не сомневаюсь, что окажется. Шаровары скользят вниз по моим ногам. Белья под ними нет, ведь наложникам оно ни к чему. Мы обязаны быть готовы в любой момент удовлетворить прихоти своего господина.

Впрочем, в этом я уже не уверена – кто и чью прихоть исполняет. Я сама хочу того, что будет дальше, и с готовностью развожу бёдра. Я ёрзаю в нетерпении, пока горячая, шелковистая плоть пристраивается ко входу.

Боли нет, но растяжение сильнее, чем до того. Оно выдёргивает меня из ленного марева, которое качало меня, как на волнах. Ощущения становятся ярче и острее. В этот раз я сама тянусь за поцелуем.

Лидер убирает с моего лба спутавшиеся пряди волос, и оплетает меня руками. Я подмечаю, что никогда не была ни с кем настолько близко. Пожалуй, это завораживает – практически врастать в другого человека.

– А ты боялась, – насмешливо шепчет он, чуть прикусывая мочку моего уха, – но ты большая молодец, Миранда. Так славно принимаешь мой член.

От этого слова я заливаюсь краской – оно смущает меня куда сильнее, чем отсутствие одежды или то, чем занимаемся. Без него всё было размытым и иллюзорным, теперь стало реальным.

Только подумать!

Хьюго убыстряет темп. Я болтаюсь в его руках, цепляясь немеющими пальцами за его предплечья. Кажется, мне ху-

до-бедно удалось вжиться в роль и стать заменой предыдущему четвергу. Мыслей нет, осталась только похоть.

Чего и следовало ожидать от такой, как ты.

Я слышу этот голос в своей голове, пока шум крови в ушах отрезает меня от реального мира, а тело сдаёт под напором приятных ощущений. Этот гадкий голос вернулся, чтобы всё испортить. Чтобы напомнить мне, кто я и почему я здесь. Почему я позволила сделать это с собой.

Я заставлю *его* за это заплатить.

За лабиринт, что он построил, за всю ложь.

«Это ложь», – повторяю я про себя. Хрустальная цитадель иллюзий рассыпалась на осколки. Мне остаётся только отвлечение. Ни объятия, ни ласковые прикосновения, ни нежные поцелуи, которыми Хьюго осыпает моё лицо после всего, не вызывают у меня ничего, кроме *отвращения*.

Я смыкаю веки, прячась в темноте, и представляю, что нахожусь далеко, что тело – как кожа, сброшенная змеей, больше не имеет ко мне отношения.

Хьюго легко поднимает меня на руки и куда-то несёт. Отстранившись от звуков, запахов и ощущения его влажной от пота груди под щекой, я гадаю, куда. Холодный фарфор и шум воды из крана служат мне ответом. Приоткрыв один глаз, я вижу нас в отражении в огромном зеркале, хоть волосы, упавшие на лицо и загораживают мне обзор. Многого и не нужно.

Он сидит за моей спиной, устроив меня между своих ног.

Эта ванна куда больше той, что была в «Доме мотыльков».

Но кроме ванны в том доме была и тёмная комната, где меня пытались утопить. Мне напоминает об этом шум воды, и пережитый ужас наслаивается на это мгновение. Пусть сейчас моё тело разомлело от наслаждения, но оно помнит, как билось в агонии, лишённое кислорода.

И по чьей вине.

Я чуть смещаю голову и наконец нахожу глазами то, что мне нужно.

Витой шланг душевой лейки.

Конечно, не стилет, но тоже подойдёт.

5.1.

В пятницу в честь Моники, ответственной за этот день недели, я позволяю себе налакаться сангрии с утра пораньше и весь его провожу в постели. Я предаюсь самобичеванию из-за случившегося. Нет, понятное дело, что глупо было оказывать сопротивление и всё такое, но мне полагалось страдать, а не наслаждаться процессом.

Это причина, по которой я усердно проедаю себе плешь.

Впрочем, поведение Лидера действительно загнало меня в тупик: я то ждала всяких зверств, принуждения и насилия, а не обходительности и телячьих нежностей. Тоже нашёлся мне джентльмен (мысленная пометка – разобраться, правильно ли я употребляю это неведомое слово)! Моё согласие, как узницы и невольницы, всё равно не считается. Я же не пришла к нему по доброй воле, воспылав необузданной страстью и далее по списку.

Где ты только этого набралась?

Точно не на машиностроительном заводе.

Там никто ни о какой страсти отродясь слыхом не слыхал, так что я не знаю, откуда всё это в моей голове.

Захмелев, я засыпаю к обеду, потом снова пью сангрию и сплю ещё до вечера, когда повторяю всё это по кругу. Конечно, я могла сходить в библиотеку и поискать ответы на все вопросы, но на душе слишком гадко. Я чувствую себя

предательницей.

И предала я саму себя.

Вместо того, чтобы схватить шланг от душа и накинуть на шею ублюдку, я нежилась в его руках, пока он мягко водил мочалкой по моему телу, покрывая изгиб шеи неспешными поцелуями. Я оправдывала себя тем, что не готова сейчас приступить к осуществлению задуманного – попытка у меня только одна, я обязана к ней основательно подготовиться. Накачать руки, в идеале – потренироваться... на ком-нибудь.

В субботу мне внезапно подворачивается такая возможность.

Происходит... инцидент.

Я размышляю, как бы мне встать, чтобы покинуть свою опочивальню, найти Пятницу и выпить сангрии уже с ней, когда в мою комнату влетает Суббота.

Суббота, которой полагается чистить пёрышки и всячески наводить красоту для выполнения своих обязанностей. К слову, Субботе это вообще без нужды – она хороша, как богиня, сошедшая с небес на эту грешную землю. Чтобы представить себе, как выглядит эта девушка, достаточно сказать, что она преступно красива. Глаза с половину лица, пухлые чувственные губы, кожа цвета мёда, великолепные волосы, задница, ноги, бюст. Талия такая тонкая, что его Лидерство, наверное, мог бы сжать её двумя пальцами. Короче, это не девушка – а мечта.

Весь гарем ей в подмётки не годиться.

И она отчего-то страшно на меня зла. Она чуть ли не за волосы вытаскивает меня из вороха одеял и подушек и швыряет на пол. Ковёр немного смягчает боль от падения, но не умаляет моего негодования.

– Какого дьявола ты творишь!?! – верещу я и принимаюсь вырываться. Она царапает меня длинными ногтями и никак не унимается.

– А то ты не знаешь, маленькая сучка! – вопит она в ответ. – Дрянь! Гадина! Мерзкая потаскуха! Пугало огородное! Да я тебя!

На её вопли сбегаются и другие девушки – ну, те, которым есть дело. В дверном проёме возникают Понедельник, считающая себя обязанной «приглядывать за всеми нами», запасная София, Вторник и Пятница. Близнецы, Среда и Воскресенье предпочитают не лезть.

Понедельник оттаскивает от меня Субботу, держа её за шкуру, как нашкодившего щенка. Надо отдать Субботе должное – даже в таком состоянии она выглядит великолепно. Это какой-то талант, не терять своей привлекательности и с перекошенной от ярости физиономией.

– Что здесь происходит? – строго спрашивает Понедельник.

Пятница сонно моргает – очевидно, после вчерашнего она мучается особенно сильным похмельем. Не трудно догадаться, что во время их «свиданий» с Лидером алкоголь льётся рекой, и это что-то покрепче сангрии.

Суббота вертится, пытаюсь освободиться.

Я сижу на полу и тупо таращусь на них. Вторник молчит – она робкая тихоня.

– Эта сука! – вновь заходится Суббота.

– Если ты не успокоишься, я позову охрану, – рывкает Понедельник.

Угроза работает. Суббота начинает плакать. Понедельник тяжело вздыхает и, приобняв Субботу за плечи, уводит её прочь. Вторник уплывает за ними – поглазеть, как будут развиваться события. Пятница помогает мне встать, но лучше бы она этого не делала – меня обдаёт её перегаром, а я и сама, на минуточку, вчера выпила куда больше сангрии, чем стоило бы. Меня начинает мутить. Я заползаю на кровать и обхватываю подушку, отгораживаясь от Пятницы. Она садится у меня в ногах и задумчиво глядит на балдахин над кроватью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.